

DIGITAL BOOK

ТЕРЕЗА ТУР

СЧАСТЛИВЫЙ РЫЖИЙ
ЗАКАТ

ИМПЕРИЯ ТИГВЕРДОВ

ИДДК

Тереза Тур
Империя Тигвердов.
Счастливый рыжий закат
Серия «Империя Тигвердов», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39285045

Аннотация

Мир рухнул. Я потеряла любовь и доброе имя. Все, что у меня было...

Что же мне остается? Я потребовала правосудия императора. Я имею право на него, ведь мои родители погибли за империю. Меня пытаются убить, а помощь приходит от ректора нашей академии, которого я считала бесчувственной статуей. Почему же я раньше не замечала, как его глаза полыхают синим пламенем, когда он видит меня?

В детстве мы с бабушкой гадали на закатах. Кровавый – к беде, рыжий... Как дождаться рыжего заката, что – по поверьям – принесет счастье?

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	42
Глава четвертая	66
Глава пятая	81
Глава шестая	95
Глава седьмая	106
Глава восьмая	119
Часть вторая	130
Глава девятая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Тереза Тур
Империя Тигвердов.
Счастливый рыжий закат

© Тур Тереза

© ИДДК

* * *

Часть первая

*О звездопады,
Сколько желаний моих
Сбыться могло бы.*

Кицунэ Миято

Глава первая

Что-то стукнуло прямо над головой, звук льющейся воды, привычная тяжесть от лап на спине.

– Чуфи!

Я вскочила. Одеяло промокло, придется сушить.

– Чуфи! Хулиганка... Я же целитель, а не маг огня...

Откуда вода? Взгляд упал на столик возле кровати. Перевернутая чашка, рассыпанные цветы и... книга! «Травы известных мне миров и их использование в целительстве» Бармина Мирелли. Мой любимый сборник, практически настольная книга! Сильно она, конечно, не пострадала, но все равно обидно. Редкое издание, завезенное из другого мира.

Тирдания очень богата травами. Тирды-целители живут в горах. При этом путешествие по существующим мирам с целью изучения и описания целебных свойств растений счита-

ется у них необходимым этапом обучения. Учитель Ирвин много раз пытался уговорить кого-нибудь сотрудничать. По-работать у нас. Но тирды нелюдимы.

Господин Мирров достал этот сборник с огромным трудом по моей личной просьбе. Хорошо, что его жена работает в нашем университете. Я тогда потратила все свое жалование, и все равно не хватило доброй половины. Платила по частям. А эта рыжая...

– Чуфи... Как не стыдно! Во-первых, ты прекрасно знаешь, как мне эта книга дорога. Во-вторых... Чуфи, Чуфи. Ну что ты как маленькая? Когда эта твоя глупая ревность прекратится?

– Тяф! Чиф-ф-ф... фыр-р!

Меня лизнули в нос. Я запустила пальцы в ярко-рыжую густую шерсть. Какая же она красивая! Особенно утром, под яркими солнечными лучами, льющимися сквозь почти прозрачную ткань. Я не любила плотных занавесок. Мне одинаково нравился и солнечный свет, и лунный.

Внизу, на первом этаже, что-то упало. Генри встал раньше. Наверное, готовит завтрак. Шаги. О нет... Сейчас он поднимется, войдет, и что увидит мой жених? Цветы-сюрприз для любимой на полу, одеяло мокрое! Быстро засовываю его в шкаф, достаю сухую простынь, вытираю воду, прыгаю обратно в кровать, хватаю нежно-розовый букетик, поправляю волосы, улыбаюсь, боковым зрением замечаю, как рыжий хвост мелькает, исчезая в приоткрытом окне...

– Доброе утро, любимая!

Мое сердце на мгновение замирает, потом несется куда-то... Несется, несется... Пока меня ласково и как-то осторожно целует любимый мужчина.

– Спасибо, – с ликованием шепчу я, опуская счастливое лицо в цветы.

Какой сладкий аромат... Левер – кустики с пышными шапочками розовых цветов. Цветет всего пару дней. Генри, наверное, ходил к дальним теплицам. И хотя я бы предпочла лисьи лапки любимого оранжевого цвета, что растут прямо под окном, но разве сейчас это важно? Представила, как мужчина собирал цветы. Ранним утром. По колено в мокрой росистой траве. И все ради того, чтобы я улыбнулась!

– Двадцать восемь дней! – Генри ставит поднос с чашкой бодрящего травяного отвара, сыром и булочками.

– Всего двадцать восемь дней... – откликаюсь я.

– Целых двадцать восемь дней, – шутливо щелкает он меня по носу, – и ты – Рене Элия Агриппа – моя жена! Госпожа Бриггс.

– Я люблю тебя, Генри Бриггс.

С минуту мы смотрели друг другу в глаза, а потом... Потом начался день.

– У тебя сегодня что? – спросил у меня жених, застегивая преподавательскую мантию.

– Утром – зачет у первого курса искусствоведов по основам первой помощи, – без особого энтузиазма ответила я.

– И зачем было принято это лишенное всякого здравого смысла распоряжение в министерстве образования о том, что первые курсы всех академий в стране вне зависимости от их направления обязаны проходить курс по основам целительства? – проворчал мужчина.

– Лучше бы твоя история империи Тигвердов так бы и оставалась единственной дисциплиной, которую учат все, – рассмеялась я.

– Я бы попросил мой предмет не обижать, – распорядился преподаватель истории. И добавил: – У меня сегодня экзамен на потоке у юристов.

– Это надолго... – вздохнула я.

– Эй! Не грусти, рыжее солнышко! Ну! Если бы я принимал один, то управился бы за час – максимум полтора. Контрольные и рефераты у меня на руках, выставил бы каждому, кто что заработал – и все. Так нет. У нас гости. Сам председатель коллегии изъявил желание послушать будущих специалистов.

– Может, что-то новое услышит?

– Может, – не стал спорить со мной преподаватель.

– Так ты – до позднего вечера?

– Будешь скучать?

– Конечно, – рассмеялась, – после обеда целители донесут курсовые работы по травоведению. Потом – в лабораторию, работать над мазью от ожогов. Господин Ирвин прислал редкие травы из Османского ханства. Уверена, они позволяют

улучшить эффект в несколько раз. Я уже вытяжку поставила.

– А магии недостаточно? Вся эта возня с травами... За-чем?

– Зачем? Во-первых, империя Тигвердов – страна больш-ая. А людей, владеющих даром целителей – не так много. Во-вторых, целители – тоже люди. Они могут устать, их мо-гут ранить. А зелья, мази и настойки можно взять с собой. К тому же их использование не требует наличия магического потенциала. И потом... Вот скажи честно – ты же не будешь из-за обычного насморка целителя вызывать?

– Понял я, понял. – Жених сгреб меня в охапку, стал це-ловать. – Ты такая серьезная, когда все это проговариваешь. Слушал бы и слушал.

Мы вышли из дома вдвоем. Корпуса, где жили преподава-тели, располагались на территории Роттервикского универ-ситета имени первого императора Тигверда.

Прошли габровой аллеей к учебным корпусам. Эти дере-вья росли только здесь и в императорском парке у дворца. Остановились – каждому надо было идти к своему. Мне – к лечебному. Ему – к историческому.

– Люблю, – шепнул он.

– До вечера, – ответила.

Чудесное утро! Я уже подходила к аудитории, возле ко-торой ждали искусствоведы, желающие получить зачет, как вдруг услышала:

– Госпожа Агриппа! Госпожа Агриппа!

Недоумевая, что же такое случилось, спокойно обернулась.

– Пойдемте со мной! – взволнованно затараторила секретарша нашего ректора.

Всегда спокойная и рассудительная, госпожа Миррова на этот раз пребывала в состоянии, близком к панике. – Скорее! Ну, скорее же!

– Госпожа Миррова, что случилось? Кто-то пострадал? Успокойтесь, пожалуйста. Вам надо выпить успокоительную настойку.

– Лучше сами выпейте, – порекомендовала секретарша и с грустью уставилась на меня.

– Да что случилось?

– Вы принимали вчера зачет у дипломатов первого курса?

– Можно сказать и так...

Отделение международных отношений или дипломаты, как называли их между собой преподаватели. Курс, на котором учились аристократы из аристократов. Элита из элит. Этот курс был отдельной головной болью для всех.

И если старшие угомонились и просто учились (университетские преподаватели на роль мальчиков и девочек для битья годились плохо, а вот объяснять это студентам умели хорошо), то первокурсникам из года в год приходилось доказывать, что они – студенты. И пришли в столичный университет получать знания.

А посему вчера я, Рене Элия Агриппа, преподаватель ос-

нов первой помощи у этих самых «дипломатов»-первокурсников, объясняла, что зачет просто так, за громкие фамилии, не получит никто. Требования были просты: тетради с переписанными лекциями и конспектами рекомендованной к семинарам литературы для тех, кто пропустил (а пропустили мои занятия все – для аристократов это в порядке вещей). Выполненные контрольные работы в количестве четырех штук, задания к которым можно было беспрепятственно получить на кафедре целительства. И конечно же, реферат – темы и списки литературы там же. Если же эти элементарные требования по каким-либо причинам не будут выполнены, я оставляю за собой право не ставить зачет. Все.

Помню, что аттестовала примерно половину группы и удалилась. Все же нашлись вменяемые дети – подготовились и получили свой заслуженный зачет. Казалось бы, чего проще? Но нет. Больше половины отпрысков уважаемых и знатных родов империи не искали легких путей. Видимо, фамилии не позволяли.

Схема подобной работы была не новая, отработанная. Более того, утвержденная в начале учебного года самим ректором Швангау, который меня сейчас к себе и вызывал. И я искренне недоумевала, что ж такое произошло.

– Жалобу написали? – спросила я у госпожи Мирровой.

– Если бы жалобу... – тяжело вздохнула та. – Пойдемте, Агриппа.

– У меня зачет, – попыталась я возразить. – Как я студен-

тов брошу?

– Не до них сейчас! – отрезала секретарша.

Я дар речи потеряла. И эта дама вот уже много-много лет подряд была яркой поборницей неукоснительного соблюдения правил?! «Все написанное в расписании выполняется точно в срок, несмотря на любые жизненные обстоятельства!» – ее любимая фраза.

Видимо, случилось такое жизненное обстоятельство, которое сильно выбивалось в сознании госпожи Мирровой из разряда «любое», потому что она уже просто тащила меня за собой безо всяких объяснений.

Мелькали лица студентов – испуганных, удивленных, зло-радствующих.

Административный корпус.

Вслед за секретаршей я быстро поднялась на второй этаж, в который раз удивляясь пафосности центральной лестницы. Беломраморной, с золотой отделкой и прочими завитушками. Только красного бархата не хватало, тем более что лестница действительно была скользкой. Ковер бы не помешал.

Преподавателей в административном корпусе скопилось немыслимое для обычного рабочего дня количество. И все они смотрели на меня со жгучим интересом, от которого почему-то похолодело внутри.

Опустив голову, окончательно переставая хоть что-то понимать, влетела в приемную ректора уже с чувством облегчения. Во-первых, подальше от любопытных взглядов, а во-

вторых, есть надежда, что хоть что-то разъяснится.

– Зачем мне личное дело вашей преподавательницы?! – гремел чей-то яростный голос. – Я требую, чтобы эту тварь немедленно отправили под стражу! В уголовную полицию! Вы же со своей стороны обязаны немедленно ее рассчитать и запретить любую преподавательскую деятельность!

Что ответил ректор, я не расслышала, потому что незнакомый голос взревел опять.

– Ах, она еще и целительница?! Травница?! Да ее нельзя к людям подпускать! И я добьюсь, чтобы это было именно так.

Я тяжело вздохнула под дверью. Поймала на себе сочувствующий взгляд секретарши, распрямила плечи и решительно толкнула дверь кабинета.

– Вы! – заорал черноволосый незнакомец.

– Добрый день, – обратилась я к ректору Швангау. – Меня вызывали.

Ректор кивнул вставая.

– Добрый. – Его каменное лицо не выражало никаких эмоций. – Присаживайтесь. Госпожа Агриппа. У нас неприятная ситуация. Более чем неприятная. Но я уверен – с вашей помощью мы разберемся.

– Какие могут быть разбирательства! – снова загремел незнакомец. – Я требую...

– Барон Гилмор, – тихо и спокойно ответил ректор. – Я бы попросил вас успокоиться.

«Гилмор... Студент первого курса «дипломатов». Этого

стоило ожидать».

Вспомнила тех, кому не поставила зачет. Этот Гилмор как раз был среди них. Он и его друзья один в один – грубые, наглые, искренне считающие, что все им должны.

Я опустила на стул, сложила руки на коленях и приготовилась слушать.

Отец ученика тоже уселся, попытался взять себя в руки – на лице вздулись вены. Глаза сияли светлым серебром. Мне показалось, что воздушник сейчас не сдержится – и обрушит ураган, который попросту сметет университет!

Однако когда мужчина заговорил, в голосе были лишь спокойствие и презрение. Контраст между интонациями и внешним видом делал его еще страшнее.

– Я обвиняю вашу преподавательницу в том, что она растлила и соблазнила моего сына, баронета Гилмора. Несовершеннолетнего, – спокойно, безглаголиво и даже как-то лениво заявил мужчина.

– Что? – Я не узнала собственный голос. – Ректор Швангау... Вы же понимаете... Бред полный. Когда бы я?... Да и зачем?... У меня есть жених, скоро мы...

– Госпожа Агриппа, – ректор говорил спокойно, безучастно, но его глаза смотрели прямо в мои, и я... почувствовала силу, в которую вцепилась просто для того, чтобы не потерять способности дышать. – Обвинения очень и очень серьезные. Вы же понимаете, какое это пятно на репутации нашего учебного заведения.

– И? – я так и смотрела ректору прямо в глаза.

– Я бы хотел предложить барону Гилмору относительно мирно разрешить конфликт. Никакой уголовной полиции. Мы – университет, его сотрудники – приносим все возможные извинения и барону Гилмору, и его сыну, баронету. Вы, естественно, будете уволены.

– С запретом на преподавательскую и целительскую деятельность, – поспешил добавить барон.

– Безусловно. – Ректор Швангау поднялся и чуть поклонился в сторону отца студента. – Вы же понимаете...

Сделала глубокий вдох. Настолько глубокий, насколько смогла. Выдох. Медленно. Осторожно. Стало легче. Чуть-чуть.

– Чем вы думали, играя с судьбой несмышленного мальчика? Ему же только четырнадцать! – с явным отвращением сказал барон. – Вы омерзительны! Такая молоденькая – и такая...

Разгневанный отец не счел нужным договорить, и демонстративно направился к двери кабинета ректора.

Слезы предательски побежали по щекам, но я смогла. Смогла сказать. Глухо, но спокойно. Глядя в широкую, ненавистную спину:

– Я требую открытого императорского разбирательства.

– Что?! Да кто вы такая, чтобы иметь право на это? – не поворачиваясь, насмешливо протянул барон.

– Круглая сирота, родители которой признаны отдавшими

жизнь за империю, – ответила я.

– Но вы можете требовать императорского разбирательства, если речь идет о вашей жизни. – Ректор покачал головой.

– Или чести, – тихо сказала я.

– Отлично, – развернулся на каблуках барон. – Тогда я распоряжусь, чтобы ваша преподавательница ждала начала разбирательства в камере уголовной полиции. Там ей самое место. С проститутками!

– Со всем уважением, барон, но этого не будет, – отрезал ректор.

– То есть...

– Моя сотрудница – пусть и отстраненная от преподавания на время разбирательства – проведет время под домашним арестом на территории академии.

– Вы бы лучше за свое место переживали, а не за вашу... совратительницу.

– Гилмор, – тяжело проронил ректор, – должен напомнить, что мои заслуги перед троном ничуть не меньше, чем ваши. И в конечном итоге разбираться во всем будет его величество. Если императору будет угодно освободить меня от занимаемой должности – так тому и быть. Тем не менее я буду настаивать, чтобы с госпожой преподавательницей беседовал Фредерик Тигверд. Лично. А не принц Тигверд или милорд Милфорд. Они, насколько я помню, ваши близкие друзья еще с военной академии?

Воздух между магами превратился в пар. Глаза ректора вспыхнули синим. Это было... красиво.

– Да как вы смеете! Мало того что в вашем университете было совершено преступление по отношению к моему сыну, так вы еще и пытаетесь обвинить меня в попытке использовать личные отношения с целью подтасовки очевидных фактов? И без того слишком очевидных! Можете быть уверены, в этом нет необходимости!

Барон Гилмор вышел, громко хлопнув дверью.

– Да... Дела... – посмотрел на меня ректор.

Я опустила на стул и закрыла лицо руками.

– Может быть, вы и правы, – неожиданно тихо сказал Швангау. – Хотя для вас проще было бы уехать сразу. Я думал предложить вам денег. Выбрать мир, в котором вы могли бы начать новую жизнь – раз уж так получилось.

Я отрицательно замотала головой.

Ректор о чем-то тяжело вздохнул и проговорил:

– Рене, идите к себе. И постарайтесь ни о чем не думать.

С трудом поднялась.

Мужчина протянул мне платок. И приказал:

– Спину ровно. Решили сражаться за свою честь и достоинство – боритесь до конца.

Я вышла из кабинета, сжимая платок в кулаке. Пересекла приемную. Вышла под обстрел взглядов коллег. Генри!

– Генри... – прижалась к любимому плечу.

– Госпожа Агриппа, – раздался над головой холодный голос. – Вы должны понимать, что в связи со сложившимися обстоятельствами я не имею возможности сохранять данные вам ранее обязательства.

– Что? – медленно подняла голову, чувствуя, как от меня осторожно, но настойчиво отстраняются.

– Женщина, которая за моей спиной затеяла любовную интрижку с мальчишкой-студентом, не может быть моей женой, – отрезал жених.

– Вот как... – проговорила я.

– Что тут происходит? – раздался за моей спиной голос ректора Швангау.

– Уже ничего. Простите, – сказала я, сняла кольцо с пальца и отдала преподавателю истории.

– Я понимаю, почему здесь присутствует госпожа Агриппа, – голос ректора был очень и очень недовольным. – Но вот присутствие остальных... коллег – для меня необъяснимо. В чем дело, господа и дамы?

Короткие поклоны – и все разбежались древесными туками. Включая моего бывшего жениха.

– Пойдемте, я провожу вас, – сказал ректор.

– Спасибо.

– Держитесь.

Он предложил мне руку, о которую я оперлась.

– Бывают дни, – шепнул он мне, – когда кажется, что все рухнуло. Но надо помнить – и это тоже пройдет. Придет вре-

мя – начнется что-то новое.

– А у вас... У вас были такие дни?

– Да. Были... – грустно улыбнулся он, смотря куда-то перед собой.

– И что вы делали?

– Да что только я не делал. Выл. Пил. Дрался.

– Стало легче?

– Нет, – честно признался он. – Но так прошло какое-то время. Я тогда никого не убил – смог. До сих пор невероятно горжусь собой, между прочим.

– Простите меня, – проговорила я.

– За что?

– Подвела университет. Теперь... будет скандал?

– Будет. И я, все обдумав, решил сделать его грандиозным.

Я вздрогнула.

– Не можешь контролировать безобразие – возглавь его.

Мы дошли до корпусов, где жили преподаватели. Я обратила внимание, что по дороге нам никто не попался. Всех как ветром сдуло. Лишь все время казалось – мелькают огненно-рыжие всполохи. То тут, то там.

Ректор Швангау поклонился:

– Рене... Я не могу вам гарантировать, что вы не пострадаете в результате всей этой истории, но одно я вам обещаю: все причастные будут наказаны.

– Спасибо.

Он развернулся и направился прочь.

– Чуфи!

Глава вторая

Я лежала на кровати не раздеваясь и смотрела в потолок. Жаль, что сейчас начало лета, а не поздняя осень, когда рано темнеет. Черной кошкой тьма проникла бы в комнату, смешалась с болью в сердце. И может быть, стало бы легче.

Чуфи, свернувшись калачиком, лежала рядом. Повернулась лицом к ней и вздрогнула. Ярко-изумрудные лисьи глаза полыхали гневом!

– Дружочек мой... Уж ты бы вцепилась кое-кому в филейную часть! Да, рыжик?

«День, когда все рухнуло...» – так это назвал наш ректор. Интересно, а как это было в его жизни? Странно, но за те два года, что я его знаю, он впервые показался мне... живым человеком. Не бездушной мраморной статуей с синими глазами. Я так его воспринимала с того самого момента, как маг представился на общем собрании кафедр.

Его величество после какой-то темной истории – связанной с покушениями на его старшего сына, принца Тигверда – оказался настолько недоволен работой магов, что всех наших старичков сместили.

Интересно, почему все это время он казался мне таким? Это же не так. Он... Сильный. Справедливый. Ну... объективно.

В университете я оказалась благодаря милорду Ирвину,

главному целителю его величества. Учитель старался во время поездок по стране, куда его время от времени заносило по службе, отбирать для обучения истинных целителей. Людей, наделенных даром врачевания.

И если наставник чувствовал одаренного человека, его бирюзовые глаза загорались. В результате потенциальный целитель всегда оказывался в столичном университете. Целителю Ирвину было все равно – имперец это или гость из другого мира, мужчина или женщина.

Последнее было особенно занятно, ибо еще пару лет назад женщины империи могли получать лишь домашнее образование. Обучение их в академиях или университетах рассматривалось как нечто неприличное и уж тем более никому не нужное. Говорить о таком вопиющем факте, как женщина-преподаватель, вообще не приходилось.

Если это был, конечно, не факультет целителей.

Один раз предыдущий ректор университета – тот, что был до ректора Швангау – попытался объяснить милорду Ирвину Лидсу, что он не прав. И девок в университет тягать не надо – непристойность одна с них. Целитель Ирвин посмотрел на аристократа – и тот пару дней промаялся с острым расстройством всего пищеварительного тракта.

Потом было громкое разбирательство. Ректор пытался доказать, что Ирвин Лидс нарушил клятву целителей – намеренно причинил вред здоровью. Ни один независимый эксперт так и не нашел состава преступления. Еще бы! Учи-

тель – гений. У меня самый лучший наставник!

С тех самых пор целителю Ирвину никто и никогда не указывал, кого брать в университет, а кого – нет. К его студентам всегда относились с почтением. То есть не трогали. Но это... дорогого стоит.

Наш выпуск был очень сильным и дружным. Доучившись, мы разъехались по империи. Большая часть целителей, конечно, была приписана к армии. Несколько девочек организовали в Роттервике и четырех столицах провинций помощь для беременных. Под личным патронажем императора Фредерика. Целитель Ирвин лично пробил для клиники все условия. А несколько человек – включая меня – остались преподавать в университете.

– Уговаривали же меня девчонки к ним пойти. В столичную клинику. А я... – Слезы снова полились, но тут же были старательно вылизаны горячим языком.

– Чуфи...

Ирвин попросил остаться в университете. Его слово для меня было... больше, чем закон. Странно, но никто из наших целительниц, включая меня, никогда не был в него влюблен. Не страдал, не вздыхал... Даже в голову не приходило, потому что он был для нас всем.

Раздался стук. Я вздрогнула. Чуфи, мгновенно определив что, во-первых, это свои, а во-вторых – это еда, спрыгнула с кровати и бросилась вниз – к двери.

– Прости, что так поздно, – в комнату стремительно во-

шла груженная корзинками и пакетами заведующая кафедры целителей миледи Бартон. – Только экзамен начала принимать – дернули аж на Западную границу. Несколько военных попали в ущелье под камнепад. Так что пришлось седьмому курсу сдавать экзамен на практике в поле – развертывали госпиталь. Хороший курс. Сильный. Молодцы.

Миледи Бартон рассказывала, а сама тем временем накрывала на стол.

– Кстати, спешу тебе сообщить, что за сегодняшний день никто из студентов не получил ни одного зачета. И экзамены, по странной случайности, никто не смог сдать на оценку лучшую, чем неудовлетворительно.

Женщина бросила Чуфи куриную ножку. Лисица поймала угощение на лету, громко хрустнув косточкой. Мол, так им и надо...

– Целители собираются подать петицию на имя императора с просьбой освободить их от обязанности обучать первой помощи непрофильные специальности, – послала миледи Бартон лисе воздушный поцелуй. – Мой руки и садись – все готово.

Когда я вышла из ванной комнаты, то обнаружила еще и открытую бутылку вина.

Миледи Бартон удалилась мыть руки, продолжая рассказывать:

– Я с трудом не дала целителям совершить диверсию над факультетом международных отношений. Дипломатам гро-

зил кровавый понос пополам с кашлем. Только мои объяснения, что это может тебе навредить, остановили расправу.

Я хихикнула. Чуфи, довольно облизываясь, свернулась калачиком на коленях.

Мы выпили вина и стали ужинать.

– Целитель Ирвин уже извещен – он прибудет на разбирательство вместе с его величеством. Кстати, грозился всему семейству Гилморов все тем же кровавым поносом. С кашлем. Видимо, фантазия у целителей небогатая...

– Зато действенная, – проговорила я. И не узнала свой голос – такой он был хриплый.

– Наших я к тебе не пустила. Девчонки сами в истерике. А парни... Боюсь, если они увидят тебя в таком состоянии, то я их от мести студентам уже не удержу.

– Спасибо, – едва слышно сказала я. И вытерла глаза.

– Не плачь, девочка. Еще не хватало...

Я глубоко задышала, стараясь взять себя в руки.

– Только я вот чего не понимаю, – задумчиво проговорила заведующая кафедрой и забарабанила пальцами по столу. – Полковник Гилмор... Уже не полковник. Все время забываю, что с недавних пор он и генерал, и барон в придачу. Так вот, Гилмор – человек приличный. Адекватный. С чего его так понесло?

– Приличный... – горько усмехнулась я, с содроганием вспоминая нашу встречу. Ужас!

– И маг он сильный, – будто и не слышала меня целитель-

ница. – Слишком сильный для того, чтобы сын смог его обмануть...

– Вы хотите сказать... Вы верите в то, что я действительно совратила четырнадцатилетнего ребенка?.. – В ушах загудело, стало нечем дышать...

– Рене! Да успокойся ты! – пробился сквозь гул голос начальницы.

Под нос сунули колбочку с успокоительным:

– Пей!

Я послушалась.

– Сама еще ребенок, – проворчала миледи Бартон. – Только что лечишь хорошо...

– А меня Генри бросил, – внезапно сказала я.

– Есть что-то хорошее и в этой истории, – неожиданно услышала я в ответ.

– Что?!

– Он мне не нравился, – отрезала начальница. – Твой жених. Не нравился – и все.

– Тяф! Чиф-ф...Фыр-р-р-р.

Я гладила рыжую шерстку, не зная, что сказать. С одной стороны – недопустимо такое слушать про близкого человека. С другой стороны – он сам меня сегодня и бросил...

– Итак, милорд Гилмор... – не обращая внимания на мои чувства, продолжила целительница. – Заместитель командующего Тигверда. Командир розыскников, которых в империи называют нюхачами. Говорят, они способны по запа-

ху найти все что угодно. И кого угодно. Личный друг – и командующего Тигверда, и милорда Милфорда – бывшего начальника имперской контрразведки. Кристально честный, прекрасно воспитанный, безусловно преданный императору. Вдовец. Сын – единственный, любимый. И возникает вопрос...

– Какой?

– Все тот же... Как такого отца смог обмануть мальчишка? Потому что, если милорд Гилмор принесса – да еще и в таком гневе, то был уверен, что сын сказал правду.

– Не знаю. – Я вздохнула с облегчением. Мне верят!

– Перед тем как появится его величество, необходимо выяснить этот вопрос. Я, конечно, далека от мысли, что юному баронету удастся обмануть самого императора. Однако...

Миледи Бартон допила вино. И ушла.

В моей спальне наверху был огромный шкаф. Задняя стенка отодвигалась, открывая лесенку, которая вела прямо на крышу. Когда бы я ни решила полюбоваться закатом – Чуфи была уже там. Ждала меня.

Мы часто сидели на крыше и смотрели на уходящее солнце. Лисы обожают смотреть на закат. Это их любимое времяпрепровождение. К рассветам, кстати, они равнодушны.

Но не Чуфи приучила меня. Мы просто в этом плане были схожи. Любоваться закатами научила бабушка.

– Плохо, девочка... Плохо...

– Почему плохо, бабушка? Красиво!

– Цвет не тот. Кровавый закат к беде. Рыжий – к счастью. Давно его не было, рыжего заката.

Мы гадали на закатах, собирали травы, топили зимой почерневший камин. Рыжий закат, о котором говорила бабушка, я видела лишь однажды. В тот год учитель Ирвин забрал меня в академию. А тогда, когда бабушка испугалась огнем полыхающего неба, горе случилось в деревне – умерла старая травница Ривва. Вот и думай – верить во все это или нет.

Мы с Чуфи сидели молча, не мигая всматриваясь в будто залитый еще теплой кровью горизонт до тех пор, пока последняя алая ниточка не растаяла в ночной темноте. Мне не было страшно. Все уже случилось. Мир рухнул. Я потеряла любовь и доброе имя. Все. Все, что у меня было...

Закат исчез, уступив место звездам. Яркие, они зажглись над головой. Прекрасные, далекие, равнодушные. А небо щеголяло закатами, небо сияло звездами и...

Звезда упала! Надо же...

– Чуфи, ты видела? Ты это видела?

– Чиф-ф-ф... фыр-р-р... тяф!

– И что теперь? Загадать желание? Что можно пожелать в день, когда ты все потеряла, Чуф? Знаешь, загадай ты, а? И... пойдем спать.

* * *

– Рене... Рене... Вставай, детка! Пора!

Мама склонилась над моей кроваткой. Молодая, красивая. Ее мягкие рыжие волосы щекотали лицо. Они пахли травами и вились колечками. Такими же, как у меня! Скоро я вырасту и стану такой же красивой.

– Мама! Мамочка!

Захотелось сказать, как скучаю. Как тоскую по ним с папой. Как плачу по ночам, когда понимаю, что не могу вспомнить их лица.

На той пограничной заставе, где служил отец, лежали все. Когда прибыла помощь, обнаружили вырезанных военных, их жен, детей. Даже скот был уничтожен. И только один ребенок выжил – с рыжими кудрявыми волосами. Я.

– Пойдем, девочка! Пойдем со мной... Пойдем, Рене!

– Куда, мамочка?

– К папе, милая. Он скучает.

И я пошла. Мама удалялась, а я шла все быстрее и быстрее, боясь потерять ее из виду. Вдруг мама исчезнет, опять останусь одна? Я торопилась, задыхалась от бега. Потом мне показалось, что бегу по кругу – только с каждым шагом поднимаюсь все выше и выше. Это было так хорошо. Так правильно, что я засмеялась.

И тут я поняла, что до мамы, до покоя остался всего лишь один шаг...

Но кто-то мешал мне его сделать!

– Нет! Пусти! Мама! Мамочка!

Птицей, попавшей в силки, я рванулась из чужих рук, за-

билась, закричала, заплакала...

– Нет! Мамочка, не-е-е-ет!

Уши будто забили чем-то. Стук в висках. Боль в груди. И голос. Смутно знакомый, будто издалека:

– Не могу удержать, скорее...

Открыла глаза, будто из сна вынырнула – холодно, холодно-то как и...высоко!

– Мама!

Вершина башни факультета воздушных магов. Эта башня – самая высокая во всем здании. На ней обычно проводили практические занятия. Не самое лучшее место для ночных прогулок, особенно если стоять на самом краешке перил... Страшно! И холодно.

– Как я здесь очутилась? – Голоса почти не было – наверное, сорвала.

– Вас зачаровали. Кто-то приложил очень много усилий для того, чтобы вы сбросились вниз, – раздался голос нашего ректора. – Я один не смог привести вас в чувство. Пришлось звать коллег на помощь.

Я представила, что могло произойти – и тело забилось в ознобе. Меня обняли. Прижали к себе. Крепко. И... нежно.

– Все хорошо, – прошептал мне на ухо Швангау.

Тут я наконец осознала, что меня держит на руках высокое начальство. Попыталась высвободиться. Не получилось.

– Прекратите, – приказал ректор. – Во-первых, вы босиком. А во-вторых, я не настолько вам доверяю. Вдруг еще

что случится...

Огляделась. Рядом с милордом стояли заведующие кафедрами воздуха, огня и земли. И я с распущенными волосами, в ночной рубашке. Позорище...

– Уголовную полицию вызывать будем? – спросил милорд Меграас, заведующий кафедрой земли.

– Думаю, придется, – кивнул милорд Швангау. – Мы не можем игнорировать то, что произошло. Это слишком опасно.

– А как вы... оказались на башне? – Я начала понимать, что же произошло.

– Вчера, – начал милорд Швангау, больше говоря сам с собой, нежели стараясь удовлетворить мое любопытство, – я повесил на вас охранку. На всякий случай. Ясно же, что кто-то намеренно пытается скомпрометировать университет, и нечто подобное я предполагал.

– Великолепная предосторожность! – одобрительно отозвался милорд Бартон – муж моей заведующей. – А то было бы очень удобно для наших оппонентов. Раз – а с утра преподавательницы нет. Есть ее хладное тело. И никаких разбирательств. Кстати, моя супруга тоже попросила меня кинуть на девушку охранительное заклинание. Удивительно то, что оно не сработало – меня вызвали вы, милорд.

– Не расстраивайтесь. Мое тоже.

– То есть?

– Не сработало. Мы имеем дело с очень сильным против-

ником. Оба заклинания были заблокированы, а ведь мы с вами не самые слабые маги империи, хочется верить...

– Так как же вы узнали?

– Лисица. Огромная ярко-рыжая лисица! Она залезла ко мне в окно и буквально заставила идти следом за ней! Надо будет усилить охрану территории. Рене, может быть, вас тоже напугала лисица?

– Чуфи? – я рассмеялась. – Чуфи чуть меньше среднего, если иметь в виду ее особь в целом.

– Ну да. Я забыл. Вы же у нас... своего рода специалист! Столько ядовитых змей, сколько в вашей лаборатории, нет во всем университете. Крысы, ядовитые клещи, кружевные медузы. Лисицы тоже могут быть полезны в ваших... исследованиях?

Мне показалось, или милорд Швангау пытался замаскировать тот факт, что его испугала лисица? Наверное, показалось. Такого просто не может быть! Милорд – сильнейший маг империи, он является не только ректором столичного университета, но и придворным магом самого императора!

– Значит, магию земли и воды кто-то обошел, – почесал длиннющий нос милорд Орвер – заведующий кафедрой огня. – Интересно.

– Только не говорите, что это сделал малолетний мальчишка с факультета дипломатов, – фыркнул милорд Бартон. – Хотя... этот деятель ввел в заблуждение собственного папеньку. А это дорогого стоит. Тут что-то не так...

– Интересно, а беседовал ли с ним принц Тигверд? Или хотя бы милорд Милфорд – они все посильнее будут, чем барон Гилмор, – протянул милорд Орвер.

– Вы совсем замерзли, – тихо, на ухо проговорил мне милорд Швангау. – Но придется потерпеть. Не хочу применять магию – картина происходящего может сбиться. И отпускать вас пока нельзя.

– Ничего... – ответила. – Но, может быть, вы меня спустите на землю? Вам же тяжело.

Ректор насмешливо хмыкнул, я же по-прежнему осталась у него на руках.

Раздался хлопок портала, вспыхнула радужная оболочка, и к нам присоединились еще двое.

– Милорд Браун – начальник уголовной полиции, – представился один, постарше. С черным ежиком волос и странным, явно перебитым носом. Интересно, кто его столь безобразно лечил? И почему он еще не обратился к нам, чтобы целители все исправили?

Второй – помоложе. И посимпатичнее.

– Граф Троубридж, – представился он. – Уголовная полиция. Отдел магических преступлений. Что произошло?

– Покушение, – ответил наш ректор. – На госпожу Рене Агриппу, нашего преподавателя. Видимо, пытались все обставить таким образом, будто она сбросилась с крыши башни, и все бы решили, что это самоубийство.

– Госпожа Агриппа, – потер лоб начальник уголовной по-

лиции. – Это не на вас милорд Гилмор написал заявление? Он обвиняет... в развращении его несовершеннолетнего сына, баронета?

– Именно. Я потребовала открытого императорского разбирательства. И намерена добиться справедливости. – Я говорила тихо, но твердо, пытаясь уверенным тоном компенсировать тот факт, что лежу у ректора на руках в ночной рубашке и с распущенными волосами. Ох...

Хлопок портала. Радужное марево. Как же оно красиво смотрится ночью, на самой высокой башне университета...

– Вы настолько уверены в своей правоте? – спросил кто-то.

– Да, – смело ответила я.

И тут обратила внимание на то, что остальные резко развернулись – и стали низко кланяться. Даже милорд Швангау, на руках которого я находилась, осторожно наклонился, сильнее прижав меня к себе.

– Не стоит, – в голосе появилась насмешка. – Император все еще в Османской империи.

– Принц Тигверд! – хором выдохнули присутствующие.

– Я желаю побеседовать с госпожой Агриппой, – распорядился старший сын императора. – Принесите ей одежду, обувь, и давайте переместимся куда-нибудь... в более уютное место.

Интересно, но его приказ был выполнен мгновенно. Появилась миледи Бартон – подала мне мантию и туфли.

– Я буду присутствовать, – сказала она таким тоном, словно принц Тигверд с ней спорил.

– Ваше желание – закон для меня, – поклонился его высочество.

Ректор и заведующие кафедрами остались отвечать на вопросы представителей уголовной полиции, мы же отправились ко мне порталом, выстроенным миледи Бартон.

– Итак, госпожа Агриппа... – недовольно протянул принц Тигверд, внимательно оглядывая мою гостиную, словно ожидая увидеть что-то непристойное.

– Спрашивайте, – я попыталась сказать это решительно и твердо.

– У вас была связь с баронетом Гилмором?

– Нет, – устало сказала я.

– Вы с ним общались?

– Я его обучала.

– И как он вам?

– Дрянной, избалованный мальчишка.

Принц Тигверд хмыкнул:

– То есть никакой симпатии между вами не было?

– С моей стороны – так уж точно.

– Можно ли какие-нибудь ваши слова было истолковать превратно?

– Как это? – удивилась я.

– Двусмысленно... Он вас неправильно понял и подумал, что вы его домогаетесь?

– Как вы смеете! – подскочила я. – Он – студент. И все! Я его вообще практически не видела в этом семестре – баронет Гилмор изволил прогуливать мои пары. А вчера на зачете я пригрозила ему сообщить отцу о прогулах, если он не выполнит мои требования.

– Какие требования? – живо спросил принц Тигверд. – Может быть, в них было что-то...

– Конечно, я его домогалась! – кричала я в бешенстве. – Я приставала к нему с переписыванием лекций, написанием четырех контрольных работ и одного реферата!

– Любопытнейшая картина получается, – задумчиво отметил принц Тигверд. – Я чувствую, что и преподаватель, и студент – оба говорят правду. Взаимоисключающую. Занятно.

На этом его высочество с нами попрощался и изволил нас покинуть.

Я посмотрела на миледи Бартон – она была совсем измучена.

– Идите спать, – мягко сказала я ей. – Вы устали.

– Нет, – отрицательно покачала она головой. – Мне бы не хотелось оставлять вас одну. Вы беззащитны.

Хлопок портала.

– Я сам прослежу за своей преподавательницей, – раздался голос ректора. – Вам, миледи Бартон, надо отдохнуть. Кстати, завтра у вас выходной. Я распоряжусь, приказ с утра напечатают.

– У меня с утра экзамены.

– Перенесем сроки, – усмехнулся ректор. – Примете позже. Все равно завтра будет еще один демарш со стороны преподавателей. И вряд ли из студентов кто-то что-то получит...

– Вы считаете, что такое поведение преподавателей неправильно? – поинтересовалась миледи Бартон.

– Не знаю. Скорее всего. Однако я сам лично завалил сегодня всю группу водников на профильном экзамене. Последний курс. Элита... Но профпредмет – Водные заклинания – не сдал никто.

Миледи Бартон покачала головой:

– Я пойду, пожалуй. Спокойной ночи, Рене, дорогая... Держись, девочка. Держись...

– Госпожа Агриппа, – обратился ко мне ректор. – Соберите все, что вам может понадобится на четыре дня, – вы пойдете со мной.

– Куда и зачем?

– Ко мне.

– Нет, – упрямо замотала я головой. – Не пойду.

– Рене. Оставить вас без присмотра сейчас – просто невозможно. – Милорд Швангау устало опустился на стул. – Мы не застрахованы от еще одного покушения. У меня будет безопаснее. Конечно, можно зачаровать ваши комнаты. Но, честно говоря, я устал. Можно было бы остаться у вас – но с утра выходить на работу. Полночи придется перетаскивать вещи, не говоря уже о том, что эта суэта вас скомпро-

метирует сильнее. Пожалуйста, не упрямитесь. Я могу гарантировать и вашу безопасность и... неприкосновенность, безусловно.

Отказаться было невозможно. Что же делать? Вдруг Чуфи не найдет меня на крыше вечером? Можно, конечно, оставить открытым окно, но... А что, если тут опасно? Чуфи...

– Что? Что вас тревожит? Говорите!

– Я буду... спать...

– Вы будете спать в комнате для гостей. Вас это волнует?

– Там есть окно?

– Конечно.

– Если Чуфи придет... Вы... Вы не против?

– Я не боюсь лисиц! – Ректор сдвинул брови. – Просто... ее визит был несколько... неожиданным.

– Так вы не против, если Чуфи будет приходить ко мне? Вы же сами говорите... здесь может быть опасно.

– Совершенно верно. Конечно, я не против, но как вы...

– Чуфи знает, где я. Всегда...

– А вы?

– Что я?

– Вы тоже знаете, где эта...

– Чуфи.

– Да. Чуфи.

– Нет. Чуфи всегда приходит сама. Наверное, если с ней что-нибудь случится, я почувствую, но не больше.

– Хорошо. Мы решили вопрос с вашим...э-э-э...

– Другом.

– Хорошо. С вашим другом... Чуфи. А теперь, пожалуйста, собирайтесь! Очень хочется поспать.

Я поднялась, открыла шкаф и просто взяла тревожную сумку. Посмотрела на стоящий рядом саквояж с любимыми склянками. И прихватила его тоже.

– Я готова.

На меня бросили восхищенный взгляд.

– Целителей часто дергают по всей стране – особенно если что-то серьезное, – пояснила я. – И времени на сборы никогда нет. Поэтому у меня все собрано.

– А какое-нибудь... вышивание? Чтобы не скучать?

– Я умею только швы накладывать. В рукоделии – полный ноль. А вот книги надо взять.

Пока я ходила за книгами, милорд подхватил мои пожитки. Одарил меня насмешливым взглядом, увидев количество фолиантов, которые я несла. Отнял, и мы отправились.

Служебная квартира нашего ректора была в соседнем корпусе. И, в отличие от квартир обычных преподавателей, к ней вел отдельный вход.

– Прошу, – распахнули передо мной дверь.

– Спасибо.

Как только мы зашли, сразу загорелся свет.

Прихожая была небольшая, из нее наверх вела лестница темного дерева.

– Наверху – гостевая комната. Правда, за все это время

там никого не было. Но постель заправлена. Наверное... Если что – можно спросить у служанки.

Мы поднялись на второй этаж. Там был холл, из которого выходили две двери. Милорд Швангау остановился перед той, что вела на левую сторону, и открыл ее передо мной.

– Прошу.

Он занес мои сумки.

– Я побеспокою вас еще через минуту, – проговорил милорд Швангау.

Я вдруг почувствовала, как устала. От всех событий, что свалились на меня за минувшие сутки, кружилась голова.

Пока милорд отсутствовал, я открыла свой саквояж. Достала успокоительное. Выпила. Подумала. Прислушалась к себе и выпила еще.

Раздался грохот – как будто что-то уронили, потом сдавленное ругательство. И вот уже в гостевой комнате снова появился ректор.

– Госпожа Агриппа, – чуть поклонился он. – Наденьте, пожалуйста. Это защитный артефакт.

И он протянул мне перстень. Вычурный такой, с крупным бриллиантом.

– Просто... сильнее артефакта защиты, чем этот, у меня нет, – с извиняющимся видом сказал он.

– И это? – не поверила я своим глазам.

– Родовой помолвочный перстень, – подтвердил милорд Швангау мою догадку.

– С ума сойти, – проговорила я.

– Просто хорошая защита, – пожал он плечами. – Не хотите на палец, проденьте через шнурок и наденьте на шею.

Я растерянно посмотрела на начальство. Вот чего у меня с собой не было – так это шнурка.

– Тогда так – сегодня на палец. Чтобы мы с вами успокоились и хоть немного поспали. А завтра к обеду я раздобуду шнурок или цепочку. Идет?

– Идет, – согласилась я.

Действительно, человеку сегодня на работу, уже половина пятого утра. Он меня полночи спасал – и дал реальный шанс дожить до разбирательства. А я капризничаю.

Милорд Швангау аккуратно взял мою правую руку и надел перстень на указательный палец.

– Спокойной ночи, – сказал он.

Мне на мгновение показалось, что он сейчас поцелует мне руку. Но нет. Отступил, коротко поклонился и вышел.

Может, не показалось, что он будет руки целовать, а захотелось этого? Это я... переутомилась, наверное.

Подошла к окну, приоткрыла. Запах... Левер отцветает. Сердце больно кольнуло.

– Чуф-ф-ф... Фыр-р-р-р-р?..

– Чуфи! Хорошо, что ты пришла! А то на новом месте как-то... неудобно.

Глава третья

В первый момент, когда я проснулась – сказала себе: «Приснится же такое...»

Потом открыла глаза. Спальня была не моя. Моя – уютная, хоть и гораздо меньше. Чуфи ушла. Я закрыла глаза и снова увидела свою комнату. Надо же... До сегодняшнего утра я и не подозревала, как была привязана ко всему тому, что меня окружало.

Шкаф светлого дерева, сделанный на заказ, половина – для белья и вещей, а половина – под травы. Ящики специально зачарованы, с нужной температурой в каждом из предназначенных под те или иные растения. Акварели на стене напротив кровати. Мои любимые полевые цветы, написанные в подарок знакомой юной художницей.

Это был мой первый отпуск после окончания университета. Я полулежала на шезлонге и наслаждалась жизнью.

Услышав крики, понеслась к воде и чуть не влетела в кружевных медуз!

– Детей от воды! – Я показала ладонь. На ней была татуировка в виде свернувшейся в кольца змеи, которую делали всем целителям.

Закричала мужчинам, чтобы не трогали медуз руками. Нужны перчатки. Или сильная защитная магия.

Кинула зов о помощи целителю Ирвину. И, понимая, что

у меня около минуты, а пострадавших детей пятеро, опустилась на колени возле первого мальчика. С него уже успели снять медузу. Остальным пострадавшим кинула по защите на сердце – чтобы смогли дожить до того, как придет помощь. Помню, как ужас ледяной волной бился внутри. Помню, как кричала:

– Родственников к детям! Зовите их! Уговаривайте остаться!

На втором ребенке – это была девочка – поняла, что иссякла. Запаса магической энергии у меня было немного, а черпать энергию от окружающих я не умела. Так и не научилась, как ни бились со мной целитель Ирвин и другие преподаватели.

Помню, как с огромным облегчением услышала хлопки открывающихся порталов – прибыли свои. С тех пор люблю этот звук. Потом рухнула на песок без чувств рядом со спасенными братом и сестрой.

Как на побережье оказались кружевные медузы, да еще и в таком количестве, так и не выяснили. Это очень ядовитые, но крайне редко встречающиеся создания. А уж в этой местности их просто никогда не было. С тех пор в моей лаборатории живут три прекрасных образца!

Со спасенной девочкой и ее семьей я подружилась. Особенно с девочкой – мы с ней оказались в одной палате, на соседних койках. Она с химическими ожогами – ужасными, узловатыми, с синюшным оттенком. Я – с магическим исто-

щением. Целитель Ирвин был очень зол, и все эти годы мы посвятили тому, чтобы расширить мой магический резерв. Правда, не очень успешно...

Однако противоядие от кружевных медуз я все-таки изобрела! Пузырек с ним всегда лежал в саквояже. На всякий случай. А на полке в лаборатории – еще несколько.

На день рождения в тот год мне прислали в подарок огромный букет. Сойки и лисьи лапки – мое любимое сочетание! Просто чудо! Первого апреля эти цветы еще не цветут, но в теплицах, конечно, выращивают круглый год. Дорого, наверное... Такой огромный букет в не сезон, еще и с доставкой. Но... так приятно было!

Чуфи рядом с этим букетом смотрелась бесподобно! К нему также прилагалась трогательная акварель – цветущий луг на фоне рыжего заката. Счастливого...

Ну все, хватит себя жалеть! Я не дома. Так сложились обстоятельства. Надо жить дальше. Жить, а не выживать, как сказала бы бабушка.

На первый этаж квартиры ректора спускалась осторожно и с опаской. Кралась по лестнице. В результате испугала служанку, которая убиралась в гостиной, и... смертельно испугалась сама.

– Ай!

– Ой!

– Добрый день! – поздоровались мы хором, когда немного

успокоились.

– Милорд Швангау распорядился покормить вас завтраком. Вам подать кофе или чай?

– Чай, если можно.

Уже много лет я пила исключительно травяные сборы собственного сочинения. На завтрак – укрепляющий и стимулирующий. Очень полезно для формирования запаса магической энергии.

– Вы блинчики едите? – вдруг обернулась ко мне служанка. – А то я не знаю, что вы предпочитаете, и сделала завтрак на вкус милорда.

– Все в порядке, – улыбнулась я ей. – Просто... со смерти бабушки меня никто блинчиками на завтрак не кормил. А сама я готовить умею... только лекарства.

«А противоядия – так это вообще моя страсть», – подумала, и так мне захотелось в лабораторию! К любимым травам и ядовитым змеям. Как раз недавно привезли изумрудных клещей из Восточной провинции. Что-то в этом году они были на редкость активны. Целители утомились мотаться по региону – места там глухие, и спасать людей иногда просто не успевали.

Тварюшка была хоть и маленькая, но очень и очень ядовитая. С укусом в кровь попадал токсин. Отек головного мозга меньше чем за сутки – и все. Вытаскивать пострадавшего только с помощью магии было тяжело – токсин отчаянно сопротивлялся.

Поэтому коллеги, зная мою страсть к созданию разного рода лекарственных форм, попросили разработать хоть что-нибудь от этой напасти.

– Добрый день! – поприветствовал меня милорд Швангау. Он стоял на пороге столовой и, видимо, какое-то время наблюдал за мной.

– Добрый, – подскочила я. Начальство все-таки.

– Я пришел на обед, – проинформировал он меня. – Вы грустите из-за недавних событий?

– Да нет. Не совсем. Просто... Тяжело бездельничать.

– Потерпите несколько дней. Не будем забывать ни про покушение, ни про то, что вы все-таки под домашним арестом. И не будем давать повод барону Гилмору в чем-то нас обвинить.

Мне подумалось вдруг, что мы с ректором живем в одной квартире, спим в соседних комнатах. И... при желании заподозрить нас можно в чем угодно. От сговора до прелюбодеяния.

– Я заказал ужин в ресторане «Изумрудная цапля».

– А у меня в лаборатории изумрудные клещи, – ответила я ему. – И мышей, выходит, зря заразила. Просто так погибли.

Милорд Швангау рассмеялся. Я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо. Я, когда смущалась, краснела всегда просто мучительно. Наверное, во всем виновата слишком белая кожа, которая бывает у людей с ярко-рыжими волоса-

ми...

– Простите. Я не хотел вас обидеть.

Служанка внесла поднос с едой и стала накрывать.

– Госпожа кушает очень плохо, – нажаловалась она милорду.

– Спасибо, Жаннин. Я прослежу за госпожой целительницей, – серьезно ответил он. – И на сегодня вы свободны.

Девушка присела в книксене и удалилась.

– Заказать вам что-нибудь из книг? – неожиданно спросил ректор.

Мне показалось, он смутился и спросил это лишь для того, чтобы поддержать разговор.

– Спасибо, мы вчера все перенесли. Пока мне хватит.

– Если что-то будет необходимо – говорите сразу, не стесняйтесь.

– Спасибо.

Милорд Швангау быстро доел и суп, и жаркое.

– Я на работу, – сообщил он мне, поднимаясь.

Я встала вместе с ним. Милорду это явно не понравилось, судя по выражению лица. Не понятно только – почему? Как его подчиненная, я была обязана так делать. Более того, я так делала всегда. Чем же ректор недоволен?

– Госпожа Агриппа, – начал он, потом сбился и тихо проговорил: – Рене... Вы знаете, у меня никогда не было гостей. С тех пор как у меня появился свой дом, я был в нем один. Всегда... И сейчас. Я хочу вас попросить – не надо подчер-

кивать, что я – ваш начальник, а вы – моя подчиненная. Просто будьте моей гостьей. Пожалуйста.

– Хорошо, – кивнула я. – В конце концов, я обязана вам жизнью. И...

Милорд Швангау яростно сверкнул глазами, коротко кивнул мне и вышел.

– Пфу-у-у-у, – выдохнула я.

Кухня оказалась рядом. За соседней дверью. Я отнесла тарелки, перемыла посуду. Затем отправилась наверх, к себе в комнату. Раз меня еще целых четыре дня не пустят в лабораторию, то, пожалуй, стоит пока наметить план работы, касающийся присланных трав и изумрудных клещей.

Я обложила книгами по лечению укушенных. Отсматривала – как именно магически убивается токсин. Как выводится из организма пострадавшего. Поняла, что надо одновременно стимулировать работу печени и делать так, чтобы отек мозга не наступал. А то какой прок в противоядии, если оно не будет успевать подействовать.

Пришла к выводу, что его надо будет делать сразу в однократном шприце, чтобы любой пострадавший в первые же минуты мог вколоть себе противоядие. Так лекарство подействует быстрее. Не магия, конечно, но, как говорится, что послали Стихии.

Аккуратный стук в дверь, и голос милорда Швангау:

– Рене, можно попросить вас спуститься в гостиную?

– Конечно, – откликнулась я.

Посмотрела в окно – вечер. Солнце золотило верхушки дубов. Меж кустов цветущего лаванды – скорей бы он отцвел уже – мелькнул рыжий хвост...

Да... Это я почитала. Серьезно так...

Я спускалась по лестнице, когда обнаружила, что мне навстречу направляется милорд Швангау. С обеспокоенным выражением лица.

– Что-то случилось? – спросила я у него.

– Вас долго не было. Я забеспокоился.

Уверила его, что со мной все в порядке. Помогла накрыть на стол.

– Вы ничего не имеете против печеной рыбы? – заботливо спросил меня ректор. – А то я как-то не спросил.

– Очень люблю, – улыбнулась я.

– Значит, угадал! – и он так искренне, так счастливо улыбнулся, что у меня сжалось сердце.

Наверное, он действительно, очень... очень-очень одинокий человек. Надо познакомить их с Чуфи.

Пока думала, разложила еду по тарелкам. К рыбе прилагались печеный картофель и салат из жареных баклажанов.

– О-о-о! – выдохнула я в полном восторге. – Баклажаны! Как я их люблю! А как их бабуля моя готовила! Жаль, что я в этом плане – полный бездарь. Только варенье умею варить.

– Бабуля? – спросил милорд Швангау.

– На самом деле, она мне по крови не бабушка. У отца к тому времени, как он женился на маме, родственников в

живых не осталось. А мамини... Мамини настолько были недовольны ее выбором, что отреклись. От нее, ну и – как результат – от меня. Они же дворяне, а папа – простой солдат. У бабули Риммы тоже все погибли на том пограничном посту. И когда однополчане отца стали думать, к кому лучше пристроить сироту, – не отказала. Так что она мне роднее всех родных.

– А как вы оказались в университете?

– Меня нашел целитель Ирвин. Долгая история...

– Расскажите потом. Приятного аппетита.

Какое-то время мы ели молча. Еда была невероятно вкусной, да и я за целый день проголодалась.

– Его величество всегда приводит в пример придворного целителя, когда рассуждает о том, как надо подбирать кадры, – нарушил молчание ректор.

Я так яростно сверкнула глазами, что мужчина напротив отшатнулся. В тот же миг мне стало стыдно, но высказываться насчет учителя в моем присутствии, это...

Милорд Швангау рассмеялся и, явно признавая свое поражение, поднял руки вверх:

– Я лишь имею в виду, что целителю Ирвину можно отбирать тех, кого он будет обучать. Я же – несчастный человек – этой возможности лишен. Работаю с тем материалом, который мне выдали. С нашими разлюбезными юными милордами, а с некоторых пор – и миледи. Увы, они не всегда талантливы. Но зато апломбом, отсутствием трудолюбия и

дисциплины, к сожалению, не обделены почти всегда.

– А-а-а, – поняла я. – Тут вы правы.

– Простите. Своими разговорами я совсем не даю вам по-
есть, – мягко улыбнулся мне ректор.

– Все в порядке. И еще... очень вкусно, спасибо!

– А что вы не любите? Из еды? – полюбопытствовал милорд в конце трапезы.

– Все ем... Разве что кофе не пью.

Я смутилась. Было видно, мужчина изо всех сил старается, чтобы мне здесь было хорошо.

– А что пьете? – продолжал настаивать хозяин.

– Морсы. Травяные сборы. Очень люблю кисель из ягод бербалета.

– Из... чего?

– Кусты бербалета растут на северной границе. Вы наверняка видели их, они очень красиво цветут – синими и красными цветами. На самом деле цвет один, просто одни цветы, как правило, более светлые, другие темнее. Выглядит так, как будто на одном и том же растении разноцветные цветы. Очень красиво!

– Это... вкусно?

– Очень! Ягоды кисло-сладкие, немного терпкие. Вяжут, но слегка. А кисель получается мм-м-м!.. Я даже умею его варить.

– Вот видите! А говорите, готовить не умеете. Варенье, кисель – так мы и до других блюд дойдем.

И высокое начальство изволило улыбнуться.

– Я заказал вам цепочку. Для кольца, – сообщил мне милорд, когда мы доели. – И книги. Сейчас принесу.

Он поднялся, а я стала наводить порядок. Собрала тарелки и отнесла их на кухню. Там меня и перехватил ректор:

– Пойдемте в гостиную.

Я кивнула.

Вымыла руки и отправилась вслед за милордом Швангау.

– Позвольте, – кивнул он на перстень, когда мы вошли.

– Конечно, – поспешно стянула я с руки чужое имущество.

– Может, вы присядете? – насмешливо протянул ректор. – Рене. Мы же с вами договорились.

– Да, – покорно кивнула. – Помню. Я – гостья.

Ректор опять сверкнул синими глазами. В эти минуты он казался более живым. Симпатичным. Мне это нравилось. Он вообще мне... Так, что это я? Это все стресс. Ничего, пройдет. Просто мне поверили. Пригрели. Пожалели...

– Готово. – Его голос пробился через мои мысли, от которых тут же стало стыдно. – Вы позвольте – я застегну.

Развернулась к нему спиной. На какое-то мгновение он придвинулся недопустимо близко. Только почувствовала его дыхание на своем затылке, и он уже отошел.

– Могу предложить вам глоток вина. – Милорд Швангау возле столика с напитками. – Киселя из бервалета все равно нет. Но я учту ваши пожелания.

– Если только глоток. – Я быстро заправила цепочку с перстнем под платье.

– Белое? Красное?

– Вы знаете, – честно ответила я, – в вине ничего не смыслю. Поэтому – на ваш выбор.

Милорд Швангау мимолетно улыбнулся каким-то своим мыслям и поднес мне бокал.

– Попробуйте, мое любимое. – Он сел рядом со мной. – Ваше здоровье.

Кивнула в ответ и сделала глоток. Вкусно. Как будто раздавила виноградинку на языке, и во все стороны брызнул солнечный яркий сок! Я зажмурилась от удовольствия.

– Вот этого только не хватало! – В голосе милорда была ярость.

Я испуганно посмотрела на него.

– Простите, – чуть поклонился он. – У нас будут гости – только и всего. К сожалению, это не те гости, которым возможно отказать в приеме.

Милорд Швангау поднялся и отправился встречать визитеров.

– Добрый вечер. Ваше высочество, рад приветствовать вас и вашу супругу в моем доме. – Голос нашего ректора был отстраненно подчеркнуто вежлив.

«Ваше высочество!» – Я подскочила, сжимая бокал с вином в руках.

– Милорд, мы приносим извинения за вторжение, – раз-

дался расстроенный женский голос.

Я узнала миледи Веронику, принцессу Тигверд и маму Феликса Рэ – самого способного ученика факультета целителей. Он был еще очень юн, однако уже работал наравне с учителем Ирвином.

– Мне надо с вами поговорить. Моя супруга, – в голосе ненаследного принца было сплошное недовольство, – изъявила желание отправиться со мной.

– Конечно. Прошу вас.

В гостиную вошли ректор и две августейшие особы.

Я склонилась в низком реверансе.

– Ах, оставьте это, – распорядилась миледи. – Мы и так явились без приглашения.

– Вина? – вежливо предложил ректор. – Прислугу я отпустил, но могу сварить кофе.

– Спасибо, ничего не нужно, – быстро ответила принцесса. – Если вы позволите, милорд Швангау, мне бы хотелось переговорить с госпожой Агриппой. Наедине.

– О да, конечно. Вина? – обратился ректор уже к принцу.

– Пожалуй, – вздохнул тот.

Мы вышли из гостиной. Я подумала, что миледи захочет подняться ко мне, в комнату для гостей, но Вероника Тигверд лишь прикрыла дверь и быстро заговорила. Выглядела при этом она очень бледной.

– Рене, это ужасно! Но вы не должны отчаиваться, слышите? Ричард верит вам. Император – тоже. Я уверена, весь

этот кошмар скоро закончится. Мы выясним, в чем дело, и...

– Успокойтесь, – велела я, взяла принцессу за запястье и стала отсчитывать пульс. – Вас не очень мутит по утрам? Если что – можно выдать вам микстуру. Она слабее, чем успокоительная настойка, но все же действенна. Успокоительную настойку сейчас лучше не употреблять. И я бы очень рекомендовала вам пока, на раннем сроке, воздержаться от переходов порталами. Все же вы из другого мира и магией не обладаете...

Отсчитав пульс, я подняла глаза и... очень испугалась. Женщина беззвучно рыдала. Слезы так быстро бежали по ее щекам, что ворот платья совсем промок.

– Стихии! Принцесса Тигверд, присядьте, пожалуйста, я сейчас схожу за микстурой...

– Нет! Не надо, – миледи Вероника вцепилась в мою руку, – не надо микстуры, со мной... со мной все хорошо... Рене... Рене, простите, у меня нет повода вам не доверять, но... Понимаете, мы с Ричардом так ждали этого, и ничего. Все это время. Вы... Вы уверены?

– Десять недель, – улыбнулась я ей.

– Мне бы хотелось, – заплаканная от счастья принцесса смутилась, – сообщить Ричарду. Сейчас. Я... Понимаете, я просто не дотерплю до того момента, как мы с ним останемся вдвоем.

– Я попробую вам помочь, принцесса Тигверд, – ответила я, и мы торжественно и чинно вошли в гостиную.

– Милорд Швангау, – чуть откашлявшись, громко сказала я, – мы с вами обещали предложить нашим гостям кофе. Вы мне не поможете?

Наш ректор посмотрел на меня с удивлением. Однако поднялся, и мы с ним удалились.

– Что случилось? – спросил он у меня, когда мы остались на кухне одни.

– Простите. Тайна целителя, – рассеянно отвечала я ему, вспоминая, каким светом засияло лицо женщины, когда она поняла, что ждет ребенка.

Я тоже об этом мечтала. Дом. Ужин. Вечер у камина. Нежные объятия ночью. Мой шепот – на всякий случай робкий и тихий – вдруг чудо растает от громких слов?

«Знаешь, у нас, кажется, будет ребенок...»

Не будет! Ничего этого не будет! Никогда! Вцепилась в столешницу, изо всех сил стиснула зубы, чтобы не взвыть.

– Тише, – я очнулась и поняла, что меня прижимают к себе, гладят по голове. – Тише.

Нарочитый кашель у нас за спиной.

– Что с госпожой целительницей? – голос принца Тигверда. Какой-то необычно смущенный. – Почему она плачет?

– У нее теперь нет жениха, – зло ответило ему мое начальство. – После вчерашнего.

– Милорд, – а теперь в голосе укор, – такого я от вас не ожидал.

– Жених госпожи Агриппы – один из наших преподавате-

лей, а не я, — раздалось над моей головой невероятное.

— О... Стихии... Простите. Простите за бестактность. Я бы хотел извиниться за вторжение. И перенести наш разговор — он, к сожалению, необходим — на завтра.

— Может быть, завтра вы придёте к ужину? — предложил милорд Швангау. — Мы с госпожой Агриппа подготовимся. Вы знаете, она готовит изумительный кисель из ягод бервалета! Такого вы явно не пробовали.

Я просто онемела. Нет, ну... Да как он...

— Могу я пригласить вас к нам в поместье? — попросил принц Тигверд. — Понимаете, моя супруга... Ну... Думаю, так всем будет удобнее. А кисель... Конечно. Мы будем более чем признательны...

— Мы возьмем с собой. Госпожа Агриппа?

Я склонила голову в знак согласия.

Мы с милордом не отрывали взгляда друг от друга. В синих глазах шумел океан... озорства! Так вот вы какой, милорд Швангау! Шутить изволите. Ну... погоди же! Будет тебе кисель из бервалета! Стихии... Как там его бабуля готовила... И зачем я нахвасталась? Я ж только один раз бабушке помогала, и было мне десять лет! Вот не зря бабушка говорила, что готовить надо учиться, а то замуж никто не возьмет...

Принц Тигверд улыбался, глядя на наш молчаливый поединок.

— Мы отбудем порталом, — сообщили нам. — Не беспокой-

тесь.

– Не стоит сейчас злоупотреблять порталами и магией в принципе, – посоветовала я ему.

– Вы находите?

– Лучше остеречься.

– Тогда завтра в нашем городском особняке, – улыбнулся принц Тигверд. – Милорд Швангау, я пришлю за вами карету.

– Нет необходимости, ваше высочество.

– Я настаиваю, – замотал головой сын императора. – Мы и так доставили вам лишние хлопоты.

Милорд Швангау отправился провожать гостей, а я постаралась взять себя в руки. Еще не хватало истерику устраивать.

Дождалась милорда, сообщила ему, что устала и отправляюсь спать.

– Спокойной ночи, – рассеянно ответил он мне и направился к креслу, где сидел с бокалом до прихода четы Тигвердов.

Решительно пошла вверх. Потом столь же решительно вернулась.

– Что-то случилось? – спросил у меня милорд Швангау обеспокоенно.

Я застыла на пороге, потом пересекла гостиную и уселась рядом.

– Вина? – Я почувствовала в голосе улыбку.

– Пожалуй...

– Вы не хотите оставаться одна со своими мыслями? – мягко спросил он.

– Не в этом дело.

– Не угадал. Но мне приятно, что вы вернулись. Очень...

Я залпом допила вино. Вкусно... Жарко. И даже немного... весело.

– Я должна вам признаться, милорд.

– В чем дело? – Он отставил свой бокал и подался вперед, сжав подлокотники кресла.

Я сделала то же самое, изо всех сил стараясь подавить улыбку. Быть серьезной. Это было... сложно. Но я справилась!

– Я не умею варить кисель...

– Из ягод бервалета, что растут на северной границе?

– И из них тоже!

Никогда не видела, как смеется ректор. Искренне, запрокинув голову назад, как... Как будто он студент. Старшекурсник. Позади сессия, впереди – вся жизнь. И синие-синие искорки в глазах...

Мы смеялись. Пили вино. За окном совсем стемнело.

– Жаль, что сейчас не осень, – тихо проговорила я.

– Вы любите осень?

– Можно затопить камин и любоваться на огонь. А сейчас, летом, темный зев камина смотрится как-то... бесприютно.

– А я люблю лето. Можно сбежать на несколько недель.

– Куда, например? – спросила я его.

– Неважно. Степь, побережье. Ветер в лицо... Вы ездите верхом?

«Красный код, – раздалось у меня в голове. – Красный код десять – через шестьдесят минут».

Я поднялась.

– Простите, меня вызывают.

И помчалась наверх – за тревожной сумкой.

– Что это значит? – Ректор, оказывается, шел за мной.

– Объявлена тревога. В империи эпидемия. Всем целителям, не занятым с тяжелыми больными, надлежит явиться в назначенные пункты для получения направлений.

– Но... – начал возражать он.

– Мне нужно быть на кафедре.

Он отобрал у меня вещи.

– Надо – значит надо.

И мы шагнули в портал.

Госпожа Бартон вид имела решительный.

– Господа целители. Господин ректор, – отметила она присутствие милорда Швангау, державшегося рядом со мной. – В Восточной провинции объявлено чрезвычайное положение. Уровень – эпидемия. Причина – изумрудный клещ. Такого нашествия еще не знали. Район вокруг города Ноорика оцеплен и уже отделен от остальной империи защитным куполом, чтобы не допустить распространения клеща.

Целители тяжело вздохнули. Разом.

– Мы отправляемся немедленно – военные выстроят порталы. Следом я распорядилась выдвигаться студентам старших курсов. Нам на помощь. До прибытия милорда Ирвина Лидса ответственная за организацию госпиталя я, миледи Бартон. Госпожа Агриппа, у вас особое задание. Подойдите ко мне. Остальные – выступаем.

Я быстро, лавируя между коллегами, подошла к заведующей кафедрой.

– Как быстро ты сможешь сделать противоядие? – раздался ожидаемый вопрос.

– Сутки потеряны, – покачала я головой. – У меня ведь только догадки.

– С той картиной, что у нас есть, мы – чисто на целительской магии – продержимся не более трех суток.

– Передающие энергию артефакты? – предложил ректор.

– Нет у нас такого количества, – недовольно посмотрела на него миледи Бартон. – Все обещают. Но вы представляете, сколько это мороки и сколько энергии надо у магов забрать, чтобы аккумулировать такое количество! В условиях чрезвычайного положения неизвестно, что еще может понадобиться...

– Это не ваша забота. К утру будут, – спокойно заметил ректор.

Миледи Бартон коротко кивнула. И снова обратилась ко мне:

– Кого тебе оставить в помощь, Рене?

– Из целителей – никого не надо.

– А за всем остальным я прослежу, – пообещал милорд Швангау.

– Да помогут нам Стихии, – сказала миледи Бартон и отбыла.

– Что вам необходимо? – спросил ректор.

– Большое количество изумрудных клещей, моя лаборатория. Покой. И... кто-нибудь, кто расскажет мне, что происходит в Восточной провинции. Я не думаю, что люди массово пошли в лес. Значит, клещи пошли к людям. А это не та модель поведения, которая им свойственна... Поэтому...

Я задумалась.

– Простите, – перебил мои мысли ректор. – Я собрал всех сильных магов университета – мне надо идти. Обещал целителям артефакты, а с ними, как справедливо заметила миледи Бартон, возни много. Теперь. Миледи Агриппа, знакомьтесь. Это десятый курс водников. Лучшая боевая пятерка. Они будут вас сопровождать. Клещи и военные – в течение часа. Господа, организовать миледи еду и питье. Раздобыть кисель из... неважно – кисель раздобыть обязательно! Вы поступаете в полное ее распоряжение.

И милорд Швангау исчез, успев подмигнуть в том месте, где речь шла о киселе...

– Миледи, – поклонился мне один из студентов. – Я – Дин, командир пятерки. В вашем распоряжении.

– Госпожа Агриппа. Не миледи. Принесите мне книги из

квартиры милорда Швангау. Но именно так, как они открыты, не закрывая, – отдала я распоряжение.

Короткий кивок.

Дошла до лаборатории. Приложила ладонь к двери и мысленно прошептала фразу доступа: «Рыжий закат». Мы зашли.

– Дин, – обратилась я к командиру пятерки. – Располагайтесь, организуйте себе максимальный комфорт – это надолго. Меня не беспокоить, но кормить каждые три часа. Сладости. Необходимо подкармливать мозг.

– Слушаюсь, – ответил он мне. – Какие-то предпочтения?

– Люблю орехи, – призналась я. – И зефир.

Поставила чайник, чтобы заварить травы.

Лаборатория... Здесь все было на своих местах. Террариумы. Отделения для трав и мазей, отдельно – экспериментальные образцы. Центрифуги, колбы, капельницы и шприцы из мира госпожи Мирровой и принцессы Тигверд. Вспомнила миледи Веронику. Улыбнулась. Теперь – светло. Искренне радуясь за нее.

Миледи Веронике я была обязана многим. Удивительная женщина. Решительная. Красивая. Внимательная. Это она познакомила меня с доктором Ливановым – пожилым, лысым, невероятно добрым человеком в огромных очках. На мои настойчивые уговоры поправить зрение с помощью магии всегда смущенно улыбался и отказывался. Говорил – слишком привык...

Он был военным врачом и работал в секретном отделе, связанном с империей. В мире Вероники существование параллельных миров намеренно скрывали от простых граждан. Считалось, что их сознание просто не вынесет такого открытия. Я обучала Германа Матвеевича нашим целительским премудростям. Его в основном интересовали разработки, связанные с изменением сознания. Он же в ответ щедро делился земным опытом. Получалось очень продуктивно.

Я переоделась в бледно-зеленый костюм – брюки и куртку. Ткань не рвется. Удобно. В такой одежде гораздо сподручнее работать с ядовитыми змеями, например. Спасибо принцессе Тигверд! Нет, даже не так... Да здравствует принцесса Тигверд!

Во-первых, костюм – ее подарок. А во-вторых, она около года назад развернула в империи целую революцию через средства массовой информации, а именно – печатные издания. В нашем университете даже демонстрация была! Две. За нововведения и против. Только были они... очень маленькие. Женщинам учиться разрешили совсем недавно, и для более-менее приличных беспорядков просто не хватило народу. И все-таки император Фредерик Тигверд официально признал право женщины носить удобную одежду в связи с профессиональной необходимостью. Так что, какие бы взгляды ни кидали сейчас на меня молодые студенты, я не нарушаю закон!

Я вошла, на ходу заправляя волосы под шапочку. Мои

книги лежали на столе, как и просила, раскрытые на нужных страницах. Рядом – огромная коробка. Открыла. Зефир!

– Несколько контейнеров с клещами будут прямо сейчас, – доложил мне Дин. – Офицер тоже прибыл.

– Спасибо.

Глава четвертая

Офицер – молодой и измученный – посмотрел на меня с негодованием.

– Где исследователь, которому я обязан доложиться? – резко бросил он, обращаясь почему-то к студентам.

– Слушаю вас, – обратила я на себя внимание.

– Это что – шутка?! Да вы знаете, что у нас творится?

– Спокойнее, – зарычал на него Дин.

– Спокойнее?! Мальчишка!

– Прекратите истерику, – тихо сказала я. – Я – целитель.

И показала ему татуировку со змеей на правой ладони – символ целителей. Офицер кивнул, показывая, что готов отвечать на вопросы. И я стала их задавать.

– Что изменилось за последние сутки?

– Клещей – огромное количество. Лезут в дома. Лезут к людям. Наши говорят – живое тепло их приманивает.

– Дома пробовали окуривать пижмолкой розовой?

– Пока сообразили, пока этот... сорняк нашли. Она и засушена должна быть, как выяснилось, особым образом, и растет преимущественно на крутых склонах. Лесники, те, что постарше, принесли свои личные запасы, но этого слишком мало...

– Ясно. Тем не менее – был результат?

– Чуть лучше. Но ненамного.

– Надо концентрацию увеличить. И чего-нибудь добавить... – задумалась я.

– Лучше у тех, кто хоть чуть огненной магией владеет. Если они комнаты обработали.

– Отлично! – обрадовалась я. – Дин!

– Староста огневиков сейчас будет! – отрапортовал он.

– Лезут... – задумалась я. – Странно это. Чтобы живое существо, лесное – да добровольно к людям лезло.

– Как будто их кто направляет.

– Тогда – холынь, – решила я. – Ее плохо переносят зачарованные существа. И добавлю-ка я кору грецкого ореха.

– А это зачем? – спросил военный.

– Ее просто насекомые не любят. Практически все. По крайней мере – на юге.

Истолочь нужные ингредиенты, поместить их в круглый шарик с дырочкой. У меня таких было несколько – делали под заказ специально для окуривания помещений. Мы одну сразу из госпиталя выводили, вот и осталось.

Теперь фитилек.

Вопросительно смотрю на огневика – его уже, судя по озадаченному виду, ввели в курс дела.

– Капля огненной магии, чтобы усилить действие трав. Только состав должен тлеть, а не взрываться.

Парень качает головой. Закрывает глаза. Очень-очень осторожно, не дыша, совершает пассы.

– Готово, – почему-то шепчет он.

Я надеваю перчатки, командую:

– Все от столов – подальше.

Отлавливаю несколько клещей. Обращаю внимание, что они тут же бегут прямо мне в руки – странно, раньше такого не было.

Помещаю изумрудную мерзость в огромный контейнер. Сую туда лабораторную мышку. И когда на нее кидаются клещи – поджигаю фитиль на шарике...

Врассыпную!

– Что и требовалось доказать! – торжествующе говорю я.

– Бра!!! – несется у меня за спиной.

– Миледи! – рапортует Дин. – Я привел бытовиков – организуем производство трав и курительных шаров.

– Дин – вы гений, – говорю комплимент. – Только я не миледи. У меня простое происхождение.

Пока говорю, старательно смешиваю состав еще для нескольких шариков. Корректирую пропорцию.

Спустя несколько часов отдаем три десятка первых экспериментальных образцов офицеру. Он уже не возмущается, а наоборот, смотрит с почтением.

– Испытать и доложить, – команду я.

– С вашего позволения, я с ним отправлюсь, – говорит огневик. – Посмотрю, как можно усилить.

– Хорошо.

Это изобретение, конечно, поможет как-то продержаться, но проблему не решит. Нужна вакцина.

Тонизирующий отвар. Зефир. Перчатки. Клещи...

Первое разочарование. Белок, что я получила из человеческой крови, хоть и был усилен магией, на клещей не подействовал практически никак. А ведь именно он так хорошо уничтожал токсины, содержащиеся в яде кружевных медуз! И я так надеялась...

Меня дергают, выдают уже заваренные травы. Еда. Сласти. Не понимаю, что ем. Но делаю это быстро.

Еще опыты.

Не получилось.

Рычу.

Дин рычит в ответ, что прошло шесть часов.

Обезболивающее – спина и шея ноют. Стимулирующее. Травяной сбор.

Еще три часа.

Еще.

Мешает резь в глазах – надо в них закапать. И продолжать.

Меня от микроскопа и стеклянных пластинок с результатами уже оттаскивают. Я поднимаю голову – и понимаю – это не Дин. Это наш ректор собственной персоной.

– Сейчас ты немедленно ляжете спать! – командует милорд Швангау. И глазами синими-синими сверкает так выразительно – у-у-у!

– Ага, – саркастически киваю. – Вот только брошу все.

– Наложу заклинание оцепенения, – грозятся мне.

– Поносом пополам с кашлем не страдали? – интересу-

юсь. – Очень мозг прочищает. Могу организовать.

– Это будет расценено как нападение, – отчего-то улыба-
ется ректор.

– Устанете доказывать мою причастность, – улыбаюсь в
ответ.

– Четыре часа сна, – приказывает он.

– Два, – не соглашаюсь я.

– Три. И перестаньте в таком количестве принимать сти-
мулирующие препараты. Мои студенты просто в шоке.

– Пусть не смотрят туда, куда не надо.

Иду в закуток, где стоит диванчик, и падаю. Еще бы шею
отпустило.

– Что болит? – склоняется надо мной милорд Швангау.

– Все, – честно отвечаю я.

Он кладет ладони на спину, безошибочно угадывая, где
больно. Даже через куртку чувствую, как вливается сила. Но
ведь... Не может быть... Я же не умею. Не умею ее прини-
мать...

Боль уходит. Я засыпаю.

«Три часа прошло! Три часа прошло!» – свербит что-то в
мозгу. Я открываю глаза, со стоном потягиваюсь.

Обнаруживаю, что спала не одна. Встречаемся – глаза в
глаза с милордом Швангау. Он со сна всклокоченный, с ры-
жеватой щетиной. Помятый. Растерянный.

– Я связывался с миледи Бартон, – трет руками лицо. –
Она распорядилась взять мазь со змеиным ядом и втереть

вам в шею и спину. Кроме того, запретила вам принимать стимулирующие вещества.

– Вы на меня наябедничали? – возмутилась я.

Он помолчал, сверкнул синими глазищами. И сказал невпопад:

– Простите, я заснул рядом...

– Мы на ликвидации чего-нибудь глобального вот так вповалку вечно и падаем. Потом смеемся – хоть в храм под утро маршируй. Жениться. Настолько внешне все неприлично выглядит.

– Вас надо покормить.

– Душ. Еда. И работать.

– Рене. У меня приказ сделать вам массаж.

– У вас есть приказ – вы его и выполняйте, – зевнула я. –

И вообще, как вы себя чувствуете?

– Бодро.

– Вы же не целитель, следовательно, лечить не умеете.

– Не умею.

– Значит, мою боль вчера вы просто забрали себе.

– Вы будете ругаться?

– Нет. Просто хотела поблагодарить.

Вышла из душа в чистой одежде. Пережила массаж. Делал его наш ректор замечательно – ничего не могу сказать – руки у него словно для этого и созданы. Сильные, нежные. Неловко было страшно. Когда он закончил – щеки у меня просто горели.

– Работать! – приказала я себе, как только меня отпустили.

– Завтракать! – ответил мне милорд Швангау, как только появился из ванны.

Глотаю что-то – и меня отпускают к моим мышкам, клещам и микроскопу.

Вернуться к самому первому эксперименту с белком. Подумать хорошенько. Кружевные медузы – жители океана. А клещи живут в лесу. А если...

– Дин! – закричала я.

– Что случилось? – испугался он.

– Пригласите мага земли. И бегом ко мне. Оба!

Пару минут, пока ждала, даже приплясывала от нетерпения.

Наконец старшекурсники явились. Вперед!

– В этом образце, – кивнула я на стеклянную пластинку, – надо ослабить привязку к морю. И усилить к земле.

Парни посмотрели на меня, как на безумную.

– Это белок на основе сыворотки из человеческой крови.

Теперь в их взгляде появилось желание отсечь мне голову, как мифическому порождению тьмы.

– Тьфу! Вот почему я просто не могу сделать это сама!

– Еще раз, – первым пришел в себя Дин. – Что вы хотите от меня?

– Чтобы в образце уменьшилось влияние воды. Магии во-

ды...

– Попробую...

Первый образец разлетелся вдребезги.

Парень с факультета магии земли успел кинуть на нас и, самое главное, на мои приборы – защиту.

Положила перед водником новый образец.

– Нежнее, – проворчала.

На этот раз он примерялся дольше.

– Действительно, магия воды есть, и она сильна.

– Это неудивительно. Основа – кровь – та же жидкость, – пояснила я. – Теперь усилим магией земли.

Парень с факультета земли справился сразу.

– Такое точечное воздействие. Тяжело, – сказал он.

Я взяла пипетку с тоненьким кончиком. Набрать две капли. Одну – на отобранного клеща. Другую – на пострадавшие органы мышки.

Стало лучше. Намного. Но абсолютного результата я не добилась.

Подумала.

– Дин! Позовите огневиков.

– Сейчас, – мгновенно среагировал он. – И кстати, миледи. Три часа уже прошло – вам надо подкрепиться.

– Не надо звать огневиков, – раздался от порога новый голос. – Они все заняты с составом, отпугивающим клещей.

– Ваше высочество! – поклонился Дин. К нему присоединились все остальные.

– Ваша светлость, – насмешливо протянул наследник. – Давайте сегодня без титулов. Миледи, что от меня требуется?

– Надо наполнить этот состав магией огня. И ничего не разнести, – ответила я ему.

– Идет.

Он замер на мгновение. Потом выдохнул:

– Готово.

Снова две капли. Идеально. Токсин гибнет практически сразу.

Так... Сколько надо на человека? По миллиграмму на килограмм веса – так было с медузами. Во мне пятьдесят килограммов.

Наполняю несколько пробирок по пятьдесят миллиграмм.

– Прошу вас, – киваю магам. – В том же порядке. Дин, пусть кто-нибудь из ваших держит щит.

– Слушаюсь, миледи.

С пробирками они возятся дольше. Видно, как им тяжело дается концентрация – воздействие должно быть максимально интенсивным, охватить каждый гран вещества, но вместе с тем не разбить колбу.

– Готово, – говорит мне наследник – он работал последним.

– Отлично, спасибо за помощь. Пока все могут быть свободны.

Я стягиваю перчатки и направляюсь к контейнеру с изу-

мрудными клещами.

Начинаю открывать крышку. Меня резко подхватывают за талию и оттаскивают в сторону.

– Что вы делаете?! – возмущаюсь и начинаю вырываться. Вижу, как Дин, смазанной тенью бросившийся к столу, уже защелкивает замки.

– Вроде никто не выскочил, – говорит он с облегчением.

– Вот позвольте спросить, – от гнева мой голос звенит, – почему вы мне мешаете?

– Вы сумасшедшая? – спрашивает у меня сын императора.

– А как, по-вашему, мне эксперимент проводить? – гневаюсь я.

– Что здесь происходит? – раздается голос милорда Швангау. – Почему защитный артефакт сработал так, будто бы на госпожу целительницу напали?

– Я не нападал, – обиженно говорит принц. – Я спасал. Она собиралась засунуть руку к клещам и дать себя укусить.

– Повторяю еще раз – мне надо испытать образец.

И я решительно вырываюсь из рук наследника.

– Принца Тигверда сюда, – командует наследник. Вроде бы ни к кому не обращается, а через пару минут в моей лаборатории оказывается его старший брат, которого я видела не так давно.

– Что-то срочное? – рычит он.

Все-таки голос у него ужасный. Вот правда. Хочется залезть под стол.

– Десяток приговоренных к смерти, – требует принц Брэндон. – Вакцину испытывать будем.

– Может, лучше умирающих? – чуть мягче говорит старший сын императора. – Пусть у людей хоть какой-то шанс появится.

– Я никому ничего вкалывать не буду, пока не испытаю на себе, действует вакцина или нет. Я не знаю даже дозировки. Это неэтично, в конце концов! – Меня трясет от возмущения. – Я – целитель, а не палач!

– Вы правы, – чуть кланяется принц Тигверд. – Имперский палач у нас я, поэтому у вас будут и приговоренные, и те, от которых отказались ваши коллеги. Ваша задача – спасти и тех, и других. А не рисковать своей жизнью.

– Но я не знаю, кто сколько весит! – кричу я.

– Отлично. Вместе с людьми я пришлю вам весы, – и принц Тигверд исчезает.

Меня начинает колотить. Милорд Швангау оказывается рядом и, не обращая ни на кого внимания, крепко прижимает к себе.

– Не надо, – шепчет в самое ухо, чуть отодвинув ткань шапочки.

– Миледи, – скрежещет голос принца Брэндона, обращаясь ко мне. – Вы – хороший человек. Правильный. Вы можете себе это позволить... Но не сегодня. И у меня вопрос: вы будете работать или забьетесь в уголок и поплачете?

– Вы забываетесь! – раздается над моим ухом рык нашего

ректора.

– Миледи... – сбавляет обороты наследник. – Работать все равно надо.

Отстраняюсь от ректора. Подхожу к своему столу.

– Милорд Швангау! – командуя я. – Сильных магов воды, земли и огня в лабораторию. Ваше высочество, ваша тройка объясняет новопривывшим, что делать с вакциной.

Короткие кивки.

Отправляюсь к шкафу со своими запасами. Сколько у меня необходимого белка в стазисе? Сколько в центрифуге?

Колбы. Отмеряю не по пятьдесят миллиграммов, а сразу по сто. Наверняка мужчины будут тяжелее меня.

Тридцать колб – чтобы было десять в запасе.

Устанавливаю их в специальные держатели и передаю магам.

Теперь организационные вопросы.

– Господа водники! Вы будете порученцами, – продолжаю распоряжаться дальше. Самый старший курс целителей из оставшихся – к нам в корпуса. Пусть разворачивают госпиталь. Их старосту – ко мне. Старосту бытовиков – ко мне. И организуйте сдачу крови, мне нужно сделать еще сыворотки. Вопросы?

– Сколько крови?

– Пусть целители собирают по десять кубов. Как можно больше. Магов воды не привлекать, их кровь не годится.

Короткие кивки.

Достаю шприцы – их не производят в нашем мире. Сколько у меня их? Около сотни. Если вакцину вводить массово, угробим всех бытовиков. Тем более что шприцы нужны стерильные.

– Ваше высочество? – обращаюсь я к наследнику, увидев, что он не занят.

– Слушаю вас.

– Необходимо заказать такие точно шприцы. Только их нет у нас. Это иномирская разработка.

– Сколько?

– По количеству инфицированных, плюс еще чуть-чуть.

– Будет сделано. Можно несколько на образец?

– Безусловно.

Так. Прибывшему старосте бытовиков – одну колбу с готовой вакциной. И просьба – попробовать размножить. Пока с десятков. Перед тем как производить массово, надо убедиться, что эффект не пропал.

– Староста пятого курса целителей, – отчитывается кто-то.

Пятый... Значит, остальные – в Восточной провинции.

Я уже не различала лиц тех, что ко мне обращались. Я видела только пробирки. Тело ныло. Глаза щипало. О, укуси меня шипохвостая мумамба...

– Сейчас придут пострадавшие – разместить по палатам. Пронумеровать больных. Перед этим всех взвесить. Продублировать вес тела в записях истории болезни и кар-

точках возле кровати. На истории болезни должен стоять номер. Обязательно. Взять кровь на анализы. Выяснить время и место укуса. Описать состояние пострадавших. Исполнять.

Распределила все свои запасы по колбам – получилось пятьсот доз для человека ста килограммов – если все-таки дозировка правильная... Отдала магам.

Через час у меня были все данные. Оказалось, что приговоренных к смерти уже инфицировали: перед тем, как привезти их в академию, принц Тигверд распорядился, чтобы несчастных завезли в Восточную провинцию, в район бедствия. Так что теперь у нас не только десяток покусанных преступников, но и два десятка инфицированных стражников. Красота!

Велела студентам завести истории болезни и на этих пострадавших.

Когда я принеслась вниз, то обнаружила, что магов, работающих над вакциной, стало больше – пять троек сосредоточенно трудились у меня в лаборатории.

Сверилась с историями болезней и стала набирать в шприцы нужные дозы вакцины. Нумерую, чтобы не перепутать.

Отвлекаюсь – мне доставили собранную кровь.

– Ваше высочество! – снова отвлекаю принца Брэндона. – Вы поможете мне продезинфицировать центрифугу?

– И в идеале – не спалить, – смеется он.

– Она – тоже иномирская. Другой у нас нет, – серьезно отвечаю ему.

– Скоро будет. Я заказал несколько. Вместе со шприцами.

– Собрать еще кровь, – говорю.

Загружаю. Выставляю программу. Улучшаю будущую вакцину уже со своей, целительской стороны. Прижимаюсь к машине – и отдаю свою целительскую энергию.

На ногах я устояла – но с трудом. Тихонько ползу в сторону полочек. Где там мое стимулирующее и укрепляющее? Перед тем как позволить себе упасть, надо тридцать раз попать в вену. А потом – часа через два – еще двадцать. А в обморок хочется уже сейчас...

Но сначала – дело. А потом уже удовольствия.

– Рене! Что вы делаете?! – раздается над ухом недовольный голос милорда Швангау. – Вам же запретили так издеваться над собой!

– Все потом, – отстраняю я его и жду, пока мир перестанет кружиться.

Не помню, как справилась с последним пациентом. Помню, как приказала отмечать состояние вакцинированных каждые тридцать минут.

Кажется, отключилась прямо на полу. Только вот сознание не успело зафиксировать, в обморок я упала или заснула.

Глава пятая

Я была в кабинете нашего университетского ректора.

Странно, но я все эти годы считала, что милорд Швангау – это такая субстанция... Неодушевленная, но говорящая. И не я одна, судя по отзывам коллег в неформальной обстановке. Почему так? Может из-за его привычки прикрывать глаза, когда он слушал собеседника? Или потому что маг практически никогда не выходил из себя? Не показывал своих эмоций?

Но сегодня все было не так.

Милорд Швангау встречал меня на пороге своего кабинета и... улыбался. Я вдруг почувствовала, что за последнее время этот человек стал родным. Захотелось вскочить, прижаться к нему и...

Так. Надо будет обратиться к миледи Бартон – пусть посмотрит на всякий случай. Переборщила я с тонизирующими настойками. А ведь милорд меня предупреждал! Придется честно признаться миледи Бартон, сколько я выпила.

– Рене! – Голос милорда звучал... нежно.

Сначала я удивилась, потом не на шутку испугалась. Это у меня еще и слуховые галлюцинации начались?

– Рене, – склонился надо мной ректор университета. – Как вы?

Я вдруг вспомнила все, что у нас происходит.

– Сколько времени прошло?

– Шесть часов.

– Почему меня не разбудили?!

Резко вскочила, голова закружилась, и вот я опять на руках у ректора. Отметила про себя, что... уже привыкла и воспринимаю как должное.

– Я запретил.

– Как это?

– Видите ли, Рене, я пока еще ректор университета, и мои приказы имеют приоритет.

– Это понятно, – проворчала я. – Но вы же не просто так это сделали.

– Вам надо было восстановиться.

– Мне надо было проконтролировать состояние пострадавших, качество вакцины. И узнать, что получилось у бытовиков.

– Состояние приговоренных и их сопровождающих не ухудшилось. – Ректор наконец-то аккуратно усадил меня на диван. – Немного поднялась температура, как следствие – небольшой озноб, и все. Добровольцы чувствуют себя лучше. Намного. Динамика разная – но у всех положительная.

– А что с умирающими?

– Трое скончались.

Тяжело вздохнула, ощущая тянущую тоску. Ведь все понимала, а все равно надеялась на чудо...

– Я отдал приказ вколоть еще по дозе каждому.

– Что? – я вскочила с дивана, на который меня долго, нежно и заботливо усаживали. – Да как вы могли!

– Успокойтесь. Это мой приказ. И моя ответственность.

– Их веду я, а вы... вы даже не травник!

– Как справедливо заметил принц Тигверд, я – скорее палач. Но это к делу не относится.

Он говорил спокойно, твердо. Но по расстроенному лицу его было видно, что он признает мое возмущение, хотя и не собирается оправдываться за свои действия. Я злилась, но все же чувствовала, что меня уважают. Тепло ко мне относятся. И как-то... не получалось разгневаться по настоящему, несмотря на то, что повод был! Ужасное ощущение...

– Милорд Швангау, будьте любезны. Прежде чем предпринимать какие-то действия относительно моих больных, консультироваться со специалистами!

– Милорд Ирвин Лидс дал добро.

Я склонила голову, признавая, что милорд Швангау имел право поступить так, как поступил. Он стоял и улыбался – еще бы! Последний аргумент его был неоспорим, и он это прекрасно осознавал с самого начала! Ну ничего... Я еще с вами поквитаюсь, милорд Швангау.

– Кто колол больных? – спросила я.

– Я принес вам еду. Миледи Бартон не велела выпускать вас из палаты, пока все не будет съедено.

Кивнула. Ректор выдал мне приготовленный поднос. Жареные баклажаны и курица... Мм-м!

Пока я ела, меня вводили в курс дела.

– Принц Брэндон распорядился вызвать господина Ливанова. Кажется, вы с ним большие друзья?

– Да, конечно.

– Не могу не выразить вам огромную за это благодарность. Иномирский опыт очень помог, и откликнулись военные врачи особого отдела сразу, как только господин Ливанов узнал о том, что разработанная вакцина принадлежит вам. Герман Матвеевич с коллегами осмотрели наших больных и рекомендовали колоть даже не в вену – а в спинной мозг. Оказывается, так тоже можно. Вторую дозу умирающим они вкололи именно туда.

– Мм-м? – мне стало любопытно. – Иномирская медицина слабее, конечно, а их лекарства порой просто вредны, но за счет того, что этим несчастным приходится выживать без магии, их методы совершенно уникальны.

– Еще милорд Ирвин одобрил решение поставить капельницы.

– Это риск, – недовольно пожала я плечами. – И опять же опыты над людьми. Мы не знаем, как организм отреагирует на то, что в другом мире называют лекарствами.

– Ваш начальник сказал так же, поэтому им капают какую-то специальную воду.

– Физраствор, – кивнула я.

– И еще – что-то с сахаром.

– Не с сахаром, – улыбнулась. – Видимо, состав с глюко-

зой. Милорд Ирвин решил, что хорошо будет организм «промыть» изнутри.

– Кровь берут на анализы каждый час, – продолжал ректор. – Результаты отслеживают микробиологи, также приглашенные господином Ливановым.

– Здорово, – не могла я не признать качества и масштаба проделанной работы. И тут же вздохнула. – Жаль, что я все проспала.

– Не все. Собрали кровь для тех машин, которые доставили по приказу принца Брэндона. И теперь ваша очередь потрудиться.

– Привезли мои центрифуги?

– Да. Их как раз устанавливают.

– Отлично. Пойдемте.

– Нет. Сначала сладкий чай и вкусную булочку.

– Лучше укрепляющий...

– У меня приказ – никаких травяных сборов вам не давать. Стимулирующие препараты отобрать. Проследить, чтобы вы спали не меньше шести часов в сутки.

– Вы смеетесь? У нас эпидемия!

– Вот именно. У нас, как вы только что совершенно правильно выразились, эпидемия! И вы, Рене, единственный целитель, способный приготовить вакцину. Если вы перегорите, надорветесь или вообще погибнете, кто будет нас всех спасать?

Я опустила голову. Маг был прав. Потом спросила:

– Скажите, а размножить вакцину – как травы или стеклянные колбы – у бытовых магов не получилось? – спросила я.

– Получилось. Только не ту, над которой уже поработала тройка магов. А ту, которую только что достали из центрифуги.

– То есть состав, где просто сыворотка крови и моя лечебная магия – они копируют. Отлично!

– Только вот еще что...

Я посмотрела на милорда Швангау, ожидая каких-нибудь плохих новостей.

– Действенна вакцина, которая была продублирована только один раз. Потом теряет свойства.

– Жаль...

Мы вышли из палаты.

– Это лучше, чем ничего, – постарался подбодрить меня милорд. – На территории университета развернули госпиталь. К нам уже переводят детей.

– Сколько готово вакцины? – спросила я, пока мы спускались по лестнице.

– Пять сотен доз по сто миллиграммов.

– Одной должно хватить на сто килограмм веса. Если колоть один раз.

– Мы распределили по колбам готовую сыворотку – и ту, что сделали вы, и ту, что получилась у бытовиков – это еще тысяча. Маги по очереди трудятся.

Мы вошли в мою лабораторию.

Центрифуг было пять.

– Вакцины нужно много – в Восточной провинции больше сотни тысяч зараженных. И только целительской магией токсин не разрушить, – с извиняющимся видом проговорил милорд Швангау.

– Боюсь, я столько не осилю...

– Я понимаю, – мягко проговорил ректор. – Видел, как вы почти теряли сознание, когда зачаровывали кровь. Но я вам помогу. И у меня наготове студенты – сильные маги. Мы вас подпитаем.

– Я не умею принимать чужую энергию! А своей у меня немного. Как вы думаете, почему я вожусь с травами, кровью и чужими технологиями? Я слабый, очень слабый целитель. И резерва во мне...

– Все получится. – Мужчина коснулся моей руки и осторожно сжал. – Просто доверьтесь мне.

Я кивнула, понимая, что краснею. Справимся с эпидемией – изобрету себе средство от пунцовых ушей и щек. Ну невозможно же!

Пошла к первому тубусу – его наполнили кровью. Вставила его в центрифугу, задала нажатием кнопок параметры. Машина загудела. Я прижалась к ней и стала отдавать крови целительскую энергию.

В какой-то момент уже ожидаемо закружилась голова, а потом вдруг стало легко-легко, словно я оказалась в нежно

обнимающем меня потоке воды.

Отошла от первой центрифуги не опустошенная, как обычно, а странно ликующая и возбужденная.

Второй заход мне дался практически легко. Третий – чуть тяжелее, но терпимо.

Когда же я взяла четвертый тубус, меня за руку остановил милорд Швангау. Я посмотрела на него – он был абсолютно белый. Даже синие глаза поблекли.

– Мне надо полчаса. Потом сладкий чай – мне и вам. И продолжим.

Он добрел до кушетки, тяжело на нее опустился. И я поняла, чья энергия во мне бурлила.

Вызвала из коридора студентов. Двое уже знакомых водников кинулись к ректору.

– И принесите сладкий чай, – распорядилась я.

К следующей центрифуге мы приступили минут через сорок. С десятков водников страховали милорда Швангау.

Потом десять минут отдыха – работаем дальше.

Еще десять – и последняя.

Около часа мы с ректором лежали на соседних кушетках, не в силах пошевелиться.

– Никогда не предполагал, что на целительскую магию тратится такая прорва энергии! – проворчал милорд Швангау наконец. – Да я мог полстолицы затопить, если бы использовал такое количество при атаке.

– Простите, у меня резерв маленький, – огорченно отве-

тила я.

– У вас маленький? Я тогда боюсь предположить, какой он у милорда Ирвина.

– Правильный, – улыбнулась я. Потом подумала и спросила: – А как вам это удалось?

– Напитать вас энергией?

– Да. Просто раньше ни у кого не получалось.

– А вы не рассердитесь? – хитро посмотрел он на меня.

– Постараюсь.

– Через помолвочный перстень. Все-таки родовой артефакт, очень сильный. Я сливал энергию в него – а он уже нашел возможность передать ее вам. Видимо, почувствовал угрозу при перенапряжении.

* * *

В течение часа стали поступать дети. Сразу взвешенные – спасибо тем, кто организовал работу.

Наш комендант распределял их по учебным корпусам – мебели в аудиториях уже не было, зато стояли кровати. Солдаты быстро, но осторожно сновали с носилками.

Мы заходили в аудиторию – я смотрела на вес, сама набирала дозу вакцины. И так аудитория за аудиторией, кровать за кроватью. Дети, кстати говоря, были в достаточно приличном состоянии – видно, что энергии целители на них потратили очень и очень много.

Тяжелых – человек пятьдесят. Их поместили отдельно, чтобы колоть препарат сразу в спинной мозг. Хорошо, что у меня обезболивающие совершенно исключительные – хорошая такая смесь из вытяжек трав пополам с целебной магией. На тряпочку две капли, вдохнуть – и все. Делай с человеком что хочешь. Минут тридцать он ничего чувствовать не будет.

И – сразу капать.

– Очнулись! – заорал кто-то еще в коридоре. Студентка чуть дрогнула от вопля. Иголочка выскочила из вены.

– Простите, – расстроилась она.

Господин Ливанов отобрал нескольких целительниц со старших курсов и обучил делать инъекции. Тех, у кого особенно хорошо получалось, разрешил ассистировать во время ввода вакцины в спинной мозг. Но эту процедуру Герман Матвеевич делал сам. Я его так и не видела – надо бы спросить, как он устроился. Поблагодарить.

– Ничего. Переколите, – очнулась я от своих мыслей под внимательным взглядом расстроенной из-за своей оплошности студентки. – Сейчас я крики прекращу, и все будет хорошо!

– Что происходит? Что за крики? – тихо, но строго спросила я у целителей с пятого курса, которые мне помогали.

– Простите, – ликующе сказал староста, – наши безнадежные очнулись! Все семеро. Судя по анализам, состояние стабилизировалось.

Выдохнула:

– Слава Стихиям.

– Капельницы очень помогли, – добавил молодой человек, краснея от удовольствия.

Я кивнула и пошла к милорду Швангау.

– Можно переводить безнадежных к нам, – сообщила ему. – Но лучше начать через пару часов, как только мы с детьми закончим.

– Договорились.

– Вам людей хватает? – поинтересовался у меня принц Брэндон.

Ответить я не успела – в лаборатории раздалось несколько оглушительных хлопков, кто-то открывал срочный портал.

К нам под ноги вывалилась прозрачная защитная сфера, в которой был клубок тел, сплошь облепленных изумрудными клешнями.

– Ричард, – выдохнул наследник. И закричал: – Внимание! Пострадал сын императора!

Он каким-то образом определил, что среди пострадавших есть его брат.

– Сколько человек? – спросил кто-то.

– Семеро. Всех по разным коконам, – скомандовал милорд Швангау.

Я вызвала семерых самых сильных целителей из госпиталей – приказ о приоритете жизни члена императорской семьи был незыблем.

Милорд Ирвин, миледи Бартон, Феликс Рэ, двое моих бывших однокурсников и двое неизвестных прибыли мгновенно.

– Держите сердце, – приказала я.

И целители стали удерживать пострадавших здесь, с нами.

Между тем маги пытались сообразить, что делать.

– Как до них добраться? – растерялся Брэндон.

– Сжечь клещей прямо на теле? – предложил наш ректор.

– Не возьмусь, – прошептал наследник.

Милорд Швангау замер, глаза запылали синевой, с рук стихийника заструилась вода. Прохладная, она проникала в сферу, вымывая из тела присосавшихся паразитов.

Я бросилась к своим шкафам, достала самую большую емкость. Хоть бы места хватило!

Милорд Швангау словно бы услышал мои мысли: воды стало меньше – ровно настолько, чтобы влезть в контейнер.

Еще двое водных магов тут же стали повторять этот маневр за милордом Швангау. Тот, кто прибыл из уголовной полиции и представился графом Тробрайджем, и милорд Милфорд.

Тела уже раскладывали на полу, и я бросилась на поиски господина Ливанова – только бы успеть!

– На стол пострадавшего, – распорядился доктор Ливанов, как только мы с ним влетели обратно. – Лицом вниз.

Маги мгновенно выполнили приказ. Приглашать целительниц времени не было, да и свободных среди них все рав-

но нет. Уже третьи сутки все заняты. На сон отводилось каждому два с половиной часа по графику.

– Одежду разрезать. По лопатки. Какой занятный шрам, – сказал доктор, рассматривая грубый рубец на шее принца Тигверда. – Как жив остался...

Еще мгновение – и Ливанов ловко попал между позвонками. Игла вошла, и я почувствовала, как вакцина устремилась к пораженному токсином человеку. Одновременно поняла, что поздно – ничего не подействует. И меня взяло такое зло... Да что ж такое! Человек буквально накануне узнал, что станет отцом, а его ребенок... Никогда не увидит... Будет тосковать. Как я по маме и папе. Нет. Нет! Не отдам... Не допущу. Ни за что!

Мало что понимая от злости и боли, щедро выплеснула целительскую магию, используя жидкость вакцины как проводник. Почти так же, как несколько часов назад, когда мы готовили вакцину. Только теперь добавила еще и свое ярое желание, чтобы этот человек выжил. Несмотря ни на что.

Потом повторили процедуру. Уже с другим пострадавшим. И я снова вливала магию целительства.

– У меня заканчиваются силы! – крикнула, понимая, что теряю зрение.

– Два артефакта энергии нам! – услышала я приказ милорда Швангау. – Эдвард, всю силу на перстень, который у Рене.

– На какой? – раздался удивленный голос милорда Мил-

форда.

– На родовой. Помолвочный. Да не стой столбом!

Я справилась. Мне помогли. Осталось самое страшное – ждать результатов. А стимулирующую настойку у меня отобрали. Но я честно пыталась ее отвоевать. Не дали...

Глава шестая

– Пап, ты не можешь уйти от нас. Мама будет плакать. И мы все – и я, и Пашка, и Рэм, – мы все тебя очень любим. Пап, пожалуйста. Ты – сильный. Ты сможешь... – раздавался в палате принца Тигверда голос Феликса Ре. Снова и снова.

Я по очереди обходила пострадавших.

С тех пор, как появились последние пострадавшие, прошло уже пять часов. Меня все-таки отправили спать. Принц Брэндон распорядился лично:

– Рене, вы – отдыхать! Вам через несколько часов готовить новую партию вакцины!

Кстати, такой же приказ поступил и нашему ректору, и милорду Милфорду, его брату.

Прошло пять часов. Я уже говорила? Так вот. Целых пять часов, а лучше принцу Тигверду и его людям не становилось. Но они все еще были живы. Целители, приставленные к каждому из них, разговаривали с ними, звали. Это называлось – удерживать больного. Если была возможность – вызывали родственников. Их зов эффективнее в несколько раз. Даже не так. Результат пропорционален силе любви.

Я заглянула к принцу Тигверду. Капельница стоит. Еще только половина.

Феликс, не прекращая говорить, посмотрел на меня. Мальчик был бледен. Сколько часов он не спал? Он вообще

ел? Надо будет найти кого-нибудь, кто его контролировал, и спросить. Феликс – лучший из молодых целителей. Предлагаю, какой объем пришелся на его долю в сложившейся ситуации, и в каком состоянии он был к моменту, когда привезли его отца...

– Сердце? – одними губами спросила я.

Скривился. Значит – так себе.

– А мозг?

Кивнул. Вдохнула с облегчением – функционирует. Уже хлеб.

– Почки? – Столько жидкости вливаем.

Радостно улыбнулся.

Уф... Можно пока выдохнуть с облегчением.

Пошла дальше.

У остальных была приблизительно та же самая картина. На мгновение задержалась у учителя Ирвина. Посмотрела вопросительно – может, у него какие-то идеи есть.

– Зовите кого-то из родных, – выдохнул он. – Уходит.

Значит, все совсем плохо.

Кивнула. Присмотрелась к его пациенту – и с удивлением опознала... барона Гилмора. Того самого, что обвинил меня в соращении его сына. Да... Стихии шутят...

Вышла. В коридоре поймала одного из водников и отдала распоряжение прислать баронета Гилмора:

– Найдите и проводите его в палату.

– Слушаюсь.

Пришло время отправляться к моим центрифугам.

Там уже бытовики ждали емкости с сывороткой, чтобы ее продублировать. А принц Брэндон собственной персоной прибыл, чтобы повторить свой подвиг по очистке и дезинфекции центрифуги.

Хорошо, что кушеток, на которые мы все дружно рухнули после того, как со всем справились, поставили уже три.

– Тяжело так работать, – вздохнул Милфорд.

– И не говори, Эдвард, – насмешливо протянул наш ректор.

– Как Ричард? – спросили у меня.

– Без изменений, – ответила я незнакомому милорду, который называл сына императора по имени.

Он выдохнул. Покачал головой. И продолжил беседу уже спокойно. Даже шутливо.

– Вам в столичном университете очень... сложно. В военной академии все проще, на мой взгляд. Все ходят стройными рядами. От заката до забора.

Я улыбнулась. Вспомнила наши с Чуфи закаты. Вздохнула.

– Так говорит у нас один из кадетов, мастер Пауль Рэ. Он вообще выражается... своеобразно. Но смешно.

– Пауль Рэ Тигверд? Это брат Феликса?

– Совершенно верно, – просветил меня милорд, – есть еще третий сын – Рэм Рэ. Хорошие ребята. Входят в одну из силь-

нейших боевых пятерок курса.

– Это прекрасно! Но все же хорошо, что они учатся не у меня, – потер ладонями лицо милорд Швангау. – Хоть этой головной боли нет.

– У тебя своей хватает, Раймон. То девиц обучать велели, то преподавательница четырнадцатилетнего мальчишку соблазнила. Что ни неделя, ты со своим филиалом дома терпимости в газетах.

– Эдвард! – зарычал ректор университета.

Дальше я уже не слушала. Поднялась и пошла. У всех на виду я плакать не буду. Ни за что. Вот вышла – и хорошо. И ничего, что слезы уже текут. Значит, соблазнила. Значит, дом терпимости. Падшая женщина. Что там говорил барон Гилмор – к проституткам меня? Там мне самое место...

– Рене, – перехватил меня милорд Швангау и обнял за плечи. – Не надо. Брат же не знал, что речь идет о вас. Хотите, я его на дуэль вызову? Не плачьте. Пожалуйста.

Я закрыла глаза и прижалась к сильному мужскому телу. Милорд Швангау гладил меня по голове, шептал что-то успокаивающее.

– Добрый вечер, – раздался возле нас рокочущий мужской голос. – Проводите меня к сыну.

Я вздрогнула, резко развернулась.

– Ваше величество, – поклонился ректор, не выпуская, впрочем, меня.

Я отстранилась – стыдно-то как! Попыталась поклонить-

ся. Идея была не сильно хорошая – ловили меня мужчины уже вдвоем.

– Простите, – пробормотала я. – Мы только что с вакциной закончили.

– Миледи Агриппа, – проскрежетал император.

– Да, ваше величество, – склонила я голову.

– Ричард. Мой сын. Где он?

– Пойдемте, ваше величество.

Мы поднимались по лестнице, когда император заговорил снова:

– Целитель Ирвин говорил о новой порции вакцины. Вы будете ее вводить?

– Сначала посмотрим, как печень справляется, – машинально возразила я. – И почки.

– Вы переживаете, что не получится?

– Переживаю. Так, как сейчас, лекарства не употребляют. Без особых исследований, без апробации. Не знаю, будут ли побочные эффекты. – Я остановилась и посмотрела на императора. – Это же моя вакцина. И моя ответственность...

– Если не применять вашу вакцину, то побочный эффект для большинства пострадавших – смерть, – отозвался император. – Зараза оказалась неподвластна магии целителей. Они за эти сутки исчерпали весь ресурс – даже с учетом того, что университет организовал поставку энергетических артефактов. Видимого эффекта достигнуто не было. Так что считайте, что у вас мой личный приказ – спасти всех, кого мож-

но спасти. А потом уже, во время восстановительного периода, когда люди будут размещены на курортах, а целители придут в себя, будете изучать побочные эффекты и учиться их преодолевать.

Я попыталась поклониться.

Император опять перехватил меня, не давая встретиться с полом.

– Оставьте это, – проворчал он. – Я чувствую, как вы слабы.

«Император чувствует... – подумала я. – Значит, он может понять, что я говорю правду о том, что никогда не помогала мальчишки. И если попросить...»

Тут мне стало стыдно. У человека сын при смерти. А я со своими горестями... Нехорошо.

Я распахнула перед повелителем дверь и отступила назад. Император вошел внутрь.

Капельницу уже убрали. Феликс сидел рядом с кроватью и держал отца за руку.

– Как он? – спросил император.

– Боюсь, услышат не только Стихии, – ответил парень.

Я облегченно вздохнула – так всегда отвечали, когда появлялась хоть какая-то надежда, и целители очень боялись ее спугнуть. Я подошла к постели больного и стала проводить обследование.

Сердце бьется. Глуховато, но сильно. Отека головного мозга нет. Токсина в крови много. Да, завтра надо подкалы-

вать еще вакцины – учитель Ирвин прав.

Между тем Феликс проговорил задумчиво:

– Ночь покажет.

– Я с тобой посижу, – сказал император, пододвигая к кровати сына еще один стул.

– Как мама?

– Пока ей врем, – был ответ императора.

В палате барона Гилмора появился его сын. Мальчишка был зареванный, но уже успевший взять себя в руки.

– Я запретил ему говорить вслух, – устало заметил Ирвин. – Отвлекает. И очень громко.

Юный баронет гневно сверкнул глазами, но промолчал.

– Как вы? – спросил учитель.

– Устала.

– Завтра повторим процедуру?

– Через сутки. Только уже миллиграмм на килограмм веса, а не так ударно.

– Согласен.

– Надо бы всех семерых как-то взвесить. И определиться с дозировкой. На втором этапе это уже важно – почки могут не справиться.

– Вы... лечите отца? – тихо спросил меня мальчишка.

Сухо кивнула. Говорить с гаденышем не хотелось.

– Рене, завтра с утра замените меня, – обратился ко мне Ирвин. – Я отправлюсь навестить миледи Веронику.

– Император сказал, что правды ей не сообщили.

– Это так. Однако... Миледи Вероника очень проницательный человек.

– И ей сейчас более чем не стоит волноваться, – сказала я, жалея, что нельзя при посторонних прямо сказать, что женщина ждет ребенка.

– Ричард мне сообщил, – ответил главный целитель, тоже посмотрев на мальчишку. – Я слежу за ситуацией.

Я кивнула и отправилась дальше совершать ночной обход. Зашла в свою лабораторию. Сколько тут народу! Попросила студентов перенести электронный микроскоп, чтобы никому не мешать, склонилась над ним и... пропала.

Прошло несколько часов. Я боролась как могла, по-разному переплетая готовую вакцину, целительскую магию и магию огня.

Результат был нулевой. Вакцина лучше не становилась и токсины быстрее или эффективнее уничтожать не желала.

В какой-то момент меня просто оттащил от микроскопа милорд Швангау.

– Есть! – приказал он. – А потом спать!

Раздраженно вздохнула.

– А вы сами-то когда в последний раз ели? – поинтересовалась у высокого начальства.

Он серьезно задумался.

В результате питались мы вместе. Получился такой... мирный ранний завтрак.

– Не обижайтесь на Эдварда, – попросил меня ректор. – Он не понял, что речь шла о вас. Милорд раскаивается, поверьте.

– Вы знаете... – Я пила чай, мои травы мне по-прежнему не отдавали. – Мне стало вдруг абсолютно ясно, что... все бесполезно.

– Что бы вы ни делали, люди не поверят? Вы это имеете в виду?

– Даже не так. Я поняла, что домогательство и совращение – это такое исключительное обвинение, что... уже неважно – что там было на самом деле. Уже неважно, что мальчишка меня оболгал. И совсем никого не интересует, зачем он это сделал. Важно лишь то, что на мне клеймо. И что бы я ни делала, как бы ни доказывала, к какому суду ни апеллировала – этого не изменить. В глазах людей я эту мерзость сделала.

– Только не в глазах тех, кто вас хоть чуть-чуть знает, – попытался меня утешить ректор.

– Генри знал... – вспомнила я своего бывшего жениха.

– Получается, что нет. Или – что еще хуже – он прекрасно понимал, что вы на такое не способны, но предпочел отойти в сторону.

– Вашим первым порывом было сдать меня барону, – напомнила я.

– И мне за это очень стыдно.

– Вы посчитали, что я сделала все, в чем меня обвиняют?

– Нет. Просто... У меня тяжелые отношения с окружением принца Тигверда. И мое заступничество... Сложно сказать – в плюс бы оно пошло или в минус. Я хотел предложить вам сменить имя. Мы с Ирвином организовали бы вам документы, и у вашего любимого главного целителя появилась бы другая ученица. Все.

– Но я сделала по-другому.

– И сейчас я понимаю, что вы были правы, – опустил он голову. – А я – нет.

Девять утра. Я проснулась, приняла душ. Переоделась уже в платье. Не то чтобы маги, работающие над вакциной на пределе и уже, наверное, за пределом возможностей, обращали внимание на то, как я одета. Но все же...

Зашла к принцу Тигверду – Феликс спал, а император присматривал за сыном. Мне показалось – он мысленно с ним говорил, что-то рассказывал. А быть может, и спорил.

Потом обошла остальных. Узнала неутешительные новости. Из семи человек эту ночь не пережили двое. Барон Гилмор выжил.

Отпустила Ирвина. Села в кресло около кровати барона. Сын его смотрел на меня из угла, где стояла кушетка, злым зверенышем. Интересно, о чем мне говорить с бароном? Как убеждать его не умирать?

«Слушайте, Гилмор... – мысленно позвала я его. – Гилмо-о-ор...»

До меня донеслись отзвуки неприязни. И эдакого брезг-

ливого удивления типа – что *ЭТО* здесь забыло. Отлично. Значит, он меня слышит. И я продолжила.

«Вы просто не имеете права умирать. Вы не извинились передо мной, не воспитали нормальным человеком своего сына, а ведь он солгал вам, не сомневайтесь. Кроме того, меня пытались убить сразу после того, как я заявила, что обращаюсь к императору. Вы же не хотите, чтобы вас обвинили в том, что это приказали сделать вы. Еще надо разобраться, как вас удалось обмануть. Так что со смертью своей вы погодите. Вам еще исправлять все, что натворили вы и ваш... гадкий, мерзкий, лживый, избалованный отпрыск!»

Волна гнева, направленного на меня, была просто удушающей.

«Трепещу, – мысленно проговорила я не без удовольствия. – Вот просто от ужаса в обморок падаю. Злитесь, сколько вашей душе угодно, только... не смейте умирать!»

Глава седьмая

Визит ненаследной принцессы Тигверд, невестки императора, к нам в госпиталь, случившийся через три дня, мне запомнился надолго. Если не навсегда.

Я как раз шла по коридору второго этажа. От тяжелых детей – их отдали на мое попечение – к пятерке принца Тигверда.

За прошедшие трое суток не было ни одной смерти! Я не уставала благодарить Стихии. Все дети уже очнулись, некоторые порывались встать. Зла и терпения на маленьких пациентов не хватало – целители младших курсов, присматривающие за ними, стонали и жаловались. Я распорядилась закупить детскую литературу и читать вслух.

Что касается пятерки принца Тигверда, в сознание еще не пришел никто. Анализы крови были лучше час от часа. Но в реальность пострадавшие возвращаться не стремились...

Меня это сильно беспокоило.

На лестнице слышались громкие голоса. Я перегнулась посмотреть, кто шумит.

– Мам, вот что ты завелась?! – говорил молодой человек лет шестнадцати заплаканной принцессе Тигверд, перегоравшая ей путь. – Вот с чего ты взяла, что отец здесь?!

– Отойди... Прекратите делать из меня непонятно кого! – Голос женщины был тихим и немного хриплым.

Другой молодой человек молчал и с укоризной поглядывал на первого.

– Я сказала – пропусти... те... меня... – Женщина согнулась, прикрывая руками живот.

– Ваше высочество! – подбежала я. – Пойдемте, я осмотрю вас.

– Рене... Хоть... ты мне не ври... Пожалуйста, Ричард... – прошептала она.

– Все потом, – решительно сказала я. – Вам надо успокоиться.

И повела миледи Веронику в свободный кабинет. Положила на кушетку, вымыла руки. Накапала настойку, которую специально разрабатывала для беременных. Обычное успокоительное слишком сильное для женщин в положении. Чуть разбавила водой.

– Какая гадость! Еще хуже, чем у Ирвина.

– Расслабьтесь, – я расположила руки над ее животом. – Замечательно, с плодом все хорошо. Это просто спазм. Вы перенервничали, и вот результат.

– Он... жив? – глухо проговорила женщина.

– Конечно! Я же сказала, все хорошо.

– Мой муж. Ричард. Рене... Он жив?

– Жив, – кивнула я.

– Что от меня скрывают?

– Ваше высочество, – начала я...

Дверь хлопнула так, что мы обе вздрогнули.

– Ника, прости, – начал император. – Ричард пострадал, и мы с Ирвином решили тебя не беспокоить. Я приказал всем...

Женщина поднялась.

– Значит, все эти дни, когда я умоляла сказать правду, когда я чувствовала, что с Ричардом совсем плохо... Вы мне врили, – тихо сказала она.

И император и его главный целитель склонили головы.

– И вы приказали врать моим детям... Феликс, – тут она совсем побелела, – его все время не было дома. Значит... он вытаскивал Ричарда.

– Пойдемте со мной, – попыталась я вмешаться.

– Видеть вас больше не хочу, – процедила невестка императора сквозь зубы, проходя мимо мужчин.

Мы вышли. Ее сыновья осторожно поглядывали на нее.

– Мам, – начал тот, который ее не пускал.

– Я пока не желаю с тобой разговаривать, – отвечала она.

Коридор, несколько дверей. Я открыла нужную и услышала:

– Ника...

Этот стон – лучшее, что случилось со мной за последние пять дней. Хотя... Нет, не так. Это в принципе лучшее, что когда-либо случалось!

Дом, милый дом... На самом деле – университетская квартирка, но я успела соскучиться.

Вот уже десять дней, как я не заходила домой. С той самой ночи, когда ректор университета увел под домашний арест к себе. Потом эпидемия...

Но сегодня вечером поняла – все. Не могу больше. Хочу в свою ванную, а не в общий душ. Ароматная пена, свечи, отвары – чтобы все, как я люблю. В конце концов, заслужила!

Это особенное чувство, когдаходишь к своему дому. Вот начинается величественная габровая аллея, а за ней уже и...

– Миледи Агриппа! – раздался за спиной возмущенный голос ректора университета.

Шипохвостая мумамба! Чем их начальственная милость недовольна на этот раз? И что за манера меня – дочь простого солдата – именовать миледи?

Вслух я возмущаться не стала, вместо этого поставила сумку и саквояж на землю и обернулась:

– Что-то случилось, милорд Швангау?

– Почему надо было уходить, никому ничего не сказав? И потом... У вас тяжелые сумки.

Синие глаза. Сверкают! И голос такой... Грозный. Одна-

жды мне пришлось лечить одного государственного обвинителя – воспаление внутреннего уха – так вот он вел себя приблизительно так же.

Я пошевелила плечами – все-таки сумка и саквояж были тяжелыми – и вопросительно посмотрела на милорда Швангау. Дескать, я прониклась, справедливый гнев начальства осознала, чувством собственного несовершенства преисполнилась, – можно говорить, в чем дело.

– Не стоило самой тащить такую тяжесть. И потом – я думал, что... – Он замолчал.

– Да, милорд?

– До разбирательства вы живете у меня.

– Простите. Забыла совсем. Так устала, что захотелось побыть одной. В привычной обстановке.

– Вас подождать?

– Мне неловко вас беспокоить.

– Ничего, – улыбнулся он.

Вот как ему объяснить, что принимать ванну и переодеваться, когда он будет сидеть и ждать меня в кабинете – гостиная в моей квартире не предусмотрена – мне будет...

Щеки запылали.

– Я отнесу ваши сумки и зайду за вами через пару часов, – принял решение милорд Швангау. – Что вы хотите на ужин?

– Знаете... Очень хочется мороженого, – улыбнулась я.

– Договорились. И что-нибудь из баклажанов.

– Вы запомнили...

– Мясо?

– Все равно.

– Договорились.

Милорд Швангау подхватил мои пожитки, и мы с ним чинно отправились по дубовой аллее к жилым корпусам преподавателей.

– Вы заметили, как у нас на территории тихо и спокойно? – спросил у меня ректор.

– Кстати, а почему так?

– Еще на днях издал приказ по университету: все студенты, участвовавшие в борьбе с эпидемией, получают зачеты и экзамены без сдачи их преподавателям. Сразу высшие баллы, между прочим. И отправляются на каникулы.

– А те, кто не участвовал?

– Таких, на самом деле, немного. И они придут сдавать сессию за две недели до начала учебного года. Все равно преподаватели уже на местах – из отпусков вернутся.

– Мудрое решение. Все вымотались...

Тут я вспомнила, что меня отстранили от преподавания, и замолчала.

Мы уже подошли к дому и поднимались по лестнице на второй этаж. Я достала из саквояжа ключи, повернула ключ в замке и потянула на себя дверь.

– Прошу вас, – обернулась к ректору.

Пропустила его вперед. Зашла в квартирку сама, блаженно прищурилась.

Поняла, что милорд Швангау стоит замерев. На лице застыла маска тревоги.

– Что слу...

Мужчина прыгнул на меня, выталкивая в коридор и падая сверху. Я упала навзничь. Боль в спине. Грохот. Я перестала слышать, перед глазами поплыли черные круги.

Милорд Швангау откатился в сторону, я поняла по шевелению его губ, что он что-то спрашивает. Смогла лишь отрицательно покачать головой.

Он подхватил меня на руки и понес вниз. Поставил на ноги. Что-то опять спросил. Погладил по щеке. Я опустилась на траву – стоять сил не было.

Его синие глаза стали совсем безумными. В них был пожар – тот, что иной год проносится диким вихрем над лесами северных границ, поднимая пламя до небес и сметая все на своем пути.

Вокруг собирались перепуганные и недоумевающие преподаватели. Все открывали рты. И все это без звука. Было о-о-очень забавно.

Я хихикнула. Потом еще и еще. А потом поняла, что в квартирке осталось все, что мне было дорого. Акварели. Игрушка-лиса. Бабушка вязала на мой день рождения... А Чуфи? Чуфи...

Поднялась и тяжело побрела в подъезд – может, хоть что-то удастся спасти?

Меня перехватили.

– Держите ее, она ничего не соображает! – сквозь пелену прорвался голос учителя Ирвина.

– ...Контузило? – это говорил ректор университета. – Или я ее головой приложил?

– Главное – жива, – жестко ответил Ирвин Лидс. – Вы сами как?

– Нормально. И щит прикрыл, и падаю я лучше, и пугаюсь меньше, – невесело усмехнулся милорд Швангау.

Я мотала головой, все пытаюсь им объяснить, что мне нужно туда, в свою квартиру... но они меня не слушали и не давали пройти.

Тут вспомнила, что милорд Швангау успел занести мой саквояж с драгоценнейшими склянками... Там даже противоядие от токсина, выделяемого кружевными медузами, было...

И тихонько завывла, опустившись на газон. Милорд Швангау уселся рядом и крепко обнял. Через какое-то время спросил у учителя:

– Может, отнести ее в больничную палату?

– Всех все равно вывели на улицу. Территорию университета обследуют армейские розыскники – принц Тигверд вызвал, – ответили ему.

– Хорошо, что все у нас уже могут ходить. Если бы такое случилось неделю назад, было бы совсем интересно.

– Вы правы, – кивнул милорд Швангау.

К нам подошли люди, одетые в черную форму имперских

вооруженных сил.

– Все чисто, – сказал один из них, обращаясь к моему начальству. – На всей территории университета. Тот магический заряд, что был в квартире у миледи, был установлен давно – дней восемь-девять назад. Срабатывал на закрытие двери изнутри. Секунд десять – чтобы ваша сотрудница вглубь квартиры зашла. С гарантией, так сказать.

Милорд Швангау вздрогнул всем телом.

– Посмотрите потом сами – магия какая-то странная, – добавил один из военных, и они удалились.

– В палату? – спросил ректор.

– Не хочу, – вырвалось у меня.

– Тогда ко мне.

Мужчина легко поднял меня на руки и распорядился, обращаясь к коменданту:

– В дом, где был взрыв, не входить!

И милорд Швангау удалился, унося меня с собой.

Я поймала взгляды нашего дружного преподавательского коллектива. От крайнего одобрения в глазах одних, до полного негодования в других. Оценила степень зависти во взорах молодых коллег женского пола. Ненависть, исходящую от Генри, моего бывшего жениха.

– Мамба шипохвостая! – выругалась я, оценивая ситуацию.

– Что? – не понял милорд Швангау.

– Вы представляете, что о нас подумали?

- Похоже, вы пришли в себя, – хмыкнул он.
- Отпустите.
- Нет, – улыбнулся он.

* * *

Все-таки не зря ректором столичного университета был назначен милорд Швангау. Организовать, причем в кратчайшие сроки, мгновенно подметив все детали, – этим удивительным даром он обладал в полной мере.

Пока я страдала в кресле, куда меня аккуратно сгрузили, милорд Швангау развернул кипучую деятельность.

Я этого и не заметила – до тех пор, пока не поднялась по лестнице на второй этаж. Решила для себя, что взрыв взрывом, окончательное уничтожение репутации... но вымыться надо. В результате обнаружила не только набранную ванну приятной температуры, но и разнообразные пузырьки с запахом грейпфрута, выстроившиеся на полочках. Пенка для умывания, гель для душа, шампунь и прочее, и прочее. Все, как я любила. Только парфюмерия была... подороже.

На вешалке висел уютный халат вкусного шоколадного цвета.

А когда я вышла из ванной, то обнаружила в гардеробной (в квартире у милорда Швангау было и такое) служанку. Она развешивала одежду.

- Добрый вечер, миледи, – поклонилась мне Жаннин.

– Добрый, – проворчала я.

– Какое платье вы наденете к ужину?

– А откуда они тут вообще взялись?

– Его милость приказал принести ему ваше, как только вы разденетесь, и отправился в магазин. Он сказал, что я осталась без вещей.

Кивнула. Умом понимала, что могла погибнуть, что кто-то заложил магическую бомбу мне в квартиру. Но поверить в то, что все происходящее не дурной сон – не могла.

– Миледи... – Оказывается, служанка ко мне обращалась, а я ее и не слышала.

– Да.

– Может, вот это? – Служанка показывала мне вешалку с потрясающей красоты бледно-бирюзовым платьем.

– Не слишком ли... торжественно?

– Так ужин все-таки. И его милости будет приятно, можете мне поверить.

Кивнула – мне было все равно.

– Только давайте волосы подсушим и уложим.

– Я сама, – поморщилась. Не люблю, когда посторонний к волосам притрагивается.

Высушила волосы расческой – опять же новой и дорогой. Привычно закрутила простой узел на затылке – служанка подала мне шпильки. Пришла очередь платья.

– Вы – красавица! – восхищенно выдохнула девушка. – Как солнышко!

Я только грустно улыбнулась своему отражению в зеркале. Рыжеволосая девушка в богатом наряде, подчеркивающем все достоинства худощавой фигуры (надо же – даже грудь нашлись), выглядела... симпатично. Только зеленые глаза... грустили. Бабушке бы точно понравилось – она всегда ворчала на меня за то, что я мало уделяю внимания своей внешности.

– Девочка должна быть де-воч-кой, – отчитывала она меня за синяки и ссадины, щедро смазывая их заживляющей мазью.

Бабушка вечно ворчала из-за того, что мы иногда дрались с Филом. Фил... Главный забияка нашей улицы. Мы и правда дрались, но... с ним было весело. Интересно, как он там сейчас?

Потом, когда я училась в университете, бабушка отчитывала уже за то, что не ухаживаю должным образом за своими волосами и руками, что мотаюсь в компании не только девочек, но и парней, по всей империи. При этом она подкладывала мне лучшие кусочки, когда я приезжала к ней на каникулы, раз в неделю передавала мне корзинку с домашним вареньем, а еще зачитывала мои письма всей нашей улице вечерами.

– Я никогда не встречал человека, который бы так гордился своим ребенком, – сказал мне на похоронах бабушки Фил. Тот самый, драки с которым были неотъемлемой частью моего детства.

Вспомнила, как в тот момент меня обнял Генри. Люби-

мый. Жених... Как прижалась к нему – и смогла наконец заплакать.

Было это полгода назад.

* * *

Я спустилась вниз.

Милорд Швангау – а он уже был в столовой – поднялся при моем появлении.

– Добрый вечер, – как-то странно произнес он. – Вы прекрасны.

Я смутилась.

– Я признательна вам за все, что вы сделали, – пробормотала. – Только, наверное, не стоило...

– Признательны, – грустно повторил он. – Давайте ужинать?

Кивнула.

Глава восьмая

Открытое императорское разбирательство было назначено спустя три дня после взрыва в моей квартире. Его величество решил, что откладывать не стоит.

Огромный парадный зал нашего университета. Народу... Тьма! И... что они все хотят услышать? Обычно тут происходило зачисление абитуриентов, два официальных бала университета (зимний и весенний) и празднование выдачи дипломов. Ну и прочие торжественные мероприятия.

А сегодня... Я вспомнила рассказы учителя о его родном мире, Ваду. До недавних событий там магов сжигали на кострах. Мне вдруг показалось, что меня сожгут...

Глубоко вдохнула, постаралась выкинуть все мысли из головы.

Стол, накрытый зеленой скатертью. За ним – ректор и все заведующие кафедрами. Ну просто государственный экзамен на получение диплома! Лучше бы экзамен...

Слева – стол, за которым сию я и милорд Ирвин Лидс. Главный целитель являлся официальным лицом, представляющим поддержку обвиняемого.

Обвиняемый, обвиняемая... Слова-то какое. Мерзкие.

Справа расположились Гилморы – барон, и его сын. Юный баронет сидит насупившись. Его отец – спокойный и уверенный в себе.

И все мы ждем его величество. Император Фредерик Тигверд задерживается.

Краем глаза замечаю в первых рядах принца Тигверда, который что-то недовольно выговаривает супруге. Должно быть, протестует против ее присутствия. Наверное, как большинство любящих до беспамятства мужчин, он пытается убедить жену, что надо сидеть дома и на улицу выбираться по очень большой необходимости.

Я улыбнулась. Принцесса Тигверд уговорила меня вести ее беременность. На самом деле, я согласилась, потому что меня попросил учитель Ирвин. После того как принцесса обнаружила мужа у нас, в госпитале, она так и не разговаривала с теми, кто ее обманывал. Ни с императором, ни с Ирвином, ни с мастером Паулем – сыном.

– А вам она доверяет, – объяснил мне учитель.

– Но я никогда... – попыталась все же возразить я.

– Хоть малейшее отклонение, подозрение или беспокойство – мгновенно подключаюсь я. И девочки из клиники. Зря я им, что ли, императорскую протекцию выбивал. Но я надеюсь, до этого не дойдет.

И вот сегодня Вероника Тигверд была здесь. Наши взгляды встретились... Мне сразу стало легче. Все же она удивительная женщина...

Рядом с принцем Тигвердом находился наследник – принц Брэндон. Поработав рядом с ним во время эпидемии, я с удивлением обнаружила, насколько с его высочеством

удобно сотрудничать – даже в тех экстремальных условиях, что сложились. До этого я считала наследника императора милым молодым человеком, эдаким принцем-очарованием. Таким он выглядел на фоне могущественного отца и мрачного старшего брата. Но то, как они в паре с милордом Швангау организовали работу, вызывало восхищение и уважение.

Наследник Брэндон тоже был не один. Он пришел с девушкой. Каштановые волосы. Тонкие черты лица. Красивая...

Она сразу стала что-то строчить в своем блокноте, время от времени окидывая присутствующих острым проницательным взглядом зеленых глаз.

Тут я поняла, что гул в парадном зале затих. Это могло означать лишь одно.

– Его императорское величество Фредерик Максимилиан Тигверд, – торжественно объявил милорд Швангау.

Все поднялись. Низкие поклоны – император стремительно проходит к своему месту. Он хмур, недоволен. И такая мощь исходит от него, что хочется упасть на колени.

– Мне не доставляет удовольствия все это действо, – император Тигверд начинает говорить, еще не усевшись. Останавливается, укоризненно смотрит на милорда Гилмора. – Я вообще не понимаю, с чего подняли такой шум и вытащили эту историю на люди. Но раз уже она приобрела публичность и такой размах, то и решать, кто прав, а кто виноват тоже будем прилюдно. Итак. Миледи Агриппа, подойдите ко мне.

Я поднялась.

– Барон Гилмор, – посмотрел император на аристократа, – на миледи есть артефакты, которые могут помешать установить, правду она говорит или нет?

– Очень сильный артефакт на шее. В основном – функции охраны.

– Миледи, – перевел император взгляд на меня, – вы не откажетесь?..

В ответ я завела руки назад и расстегнула цепочку. Надо же – я так сроднилась за это время с перстнем милорда Швангау, что перестала замечать его на себе.

С поклоном положила выданный мне для защиты перстень перед императором.

Фредерик Тигверд чему-то улыбнулся, потом серьезно посмотрел на меня и строго проговорил:

– Миледи Агриппа, вы будете отвечать вашему повелителю честно?

– Да, ваше величество.

– Кто вы и почему имеете право на мое разбирательство?

– Я – Рене Элия Агриппа. Целитель. Мои родители погибли за нашу страну. И в случае угрозы моей жизни или чести я имею право обратиться к императору за справедливостью.

– Имеете, – проворчал тот. – У вас была связь с вашим студентом, баронетом Гилмором?

– Нет, ваше величество.

– И это правда, – кивнул император.

– Но, ваше величество, – подскочил барон Гилмор. – Мой сын утверждает, что все это... было. И он тоже говорит правду!

– И в этой неприятной истории есть что-то интересное, – задумчиво отметил император. – Я знаю, что с молодым человеком беседовали, в том числе ненаследный принц Тигверд, мой старший сын.

Фредерик кинул взгляд на старшего сына и его жену. Затем вновь обратился ко мне:

– Вы свободны, миледи. А вы, молодой человек, – обратился он к баронету Гилмору, – прошу сюда.

Баронет поднялся, поклонился и подошел к столу, за которым сидели император и университетское начальство.

– Что у него с артефактами? – посмотрел Фредерик на сына.

– Ничего, – уверенно кивнул принц Тигверд.

– Милорд Швангау? – обратился повелитель к придворному магу.

– Не пойму. – Глаза у ректора были прикрыты, словно он о чем-то размышлял. – Что-то странное. От левой руки...

– Молодой человек? – обратился император к баронету.

– У меня ничего... – решительно начал студент.

– Прежде чем вы начнете что-то говорить, – негромко сказал седовласый мужчина, – осознайте, перед кем вы находитесь. Я – император Тигверд. И ложь мне – это преступление. Государственная измена. У вас же был начальный курс

юриспруденции... Что грозит вам в случае доказанной государственной измены, баронет Гилмор?

– Рудники на срок, угодный вам. Поражение в правах для всей семьи.

– Я рад, что вы это осознаете, – кивнул Фредерик. – Итак, вернемся к вопросу об артефактах. Вы утверждаете, что никаких артефактов, мешающих нам выяснить, правду вы говорите или нет, на вас нет. Это правда?

– Да...

– Он говорит правду. – Принц Тигверд посмотрел на императора.

– Опять! – Швангау сжал подлокотник кресла. – Ваше величество, вы позволите?

– Вы настаиваете, что чувствуете блокирующую магию? Вы понимаете, что это серьезное обвинение относительно баронета Гилмора?

– Я должен это выяснить. Никаких обвинений. Пока...

– Действуйте, – кивнул император.

Милорд Швангау подошел к студенту, взял его левую руку, задрал рукав. На запястье баронета была... С первого взгляда и не заметишь. Ниточка? Несколько обычных узелков. Студенты повязывают такие друг другу – на удачу. Особенно во время сессии. Ничего примечательного, однако мальчишка тут же стал белым, словно первый снег!

Ректор жестом подозвал целителя Ирвина. Они о чем-то пошептались, а потом... Потом все происходило очень быст-

ро. Милорд Швангау что-то забормотал на незнакомом, певучем языке, одновременно развязывая узелок за узелком. Когда остался один, самый последний, маг обратился к принцу Тигверду:

– Ричард, подойди.

– Что происходит, Шва... Шга?..

– Швангау, ваше величество.

– Стихии... Пусть так, я спрашиваю, что происходит?! – нахмурился император.

– Одну секунду, ваше величество.

Ричард подошел к отцу. В зале послышался гул недовольных голосов. Принц Тигверд о чем-то шептался с императором, никто не понимал, что происходит.

– Я бы хотел понимать, в чем, собственно, дело? Ваше величество! – Барон Гилмор привстал.

– Я призываю всех успокоиться! Разбирательство веду я. Лично! Всем присутствующим ждать официальной информации! О согласовании некоторых деталей между особо приближенными лицами никто отчитываться не обязан. Это понятно?!

В зале мгновенно повисла тишина.

Принц Тигверд и милорд Швангау склонились над запястьем баронета. Вспыхнуло пламя, крик мальчика разорвал тишину.

– Агриппа! – крикнул целитель.

– Что с ним? – Барон Гилмор вскочил и бросился к сыну,

не обращая ни на кого внимания.

– Шва... Шба... Стихии! Потрудитесь объяснить наконец, что происходит! Барон Гилмор, сядьте на место! Я приказываю!

Спустя какое-то время баронет пришел в себя. Он был бледен. Руку ему перевязали, и я вернулась на свое место. Ожог. Упадок сил. Все это время мальчик кормил своей энергией очень мощный артефакт. Зачем? Неужели такие жертвы ради того, чтобы навредить мне? В голове не укладывалось... Однако появилась надежда. Надежда узнать наконец правду.

– Ваше величество, – поднял мальчишка глаза.

На лбу юного Гилмора выступили капельки пота, голос дрожал, но баронет все же продолжил:

– А как быть с дворянской честью? С клятвой... друзьям?

– Дворянская честь не предполагает лжи ни своему отцу, ни тем более своему императору, баронет. Не допускает ложных обвинений в адрес другого человека. Если именно этого требуют ваши друзья, на мой взгляд, стоит серьезно задуматься о том, совпадает ли их понятие дворянской чести с вашими собственными представлениями на этот счет.

– Первоначально это была шутка... – начал говорить баронет.

– Предатель! – раздался крик.

Его величество чуть кивнул – и его охрана вытащила из зала студентов первого курса факультета международных от-

ношений. За ними сорвались родители студентов.

– Продолжайте, – произнес император, обращаясь к баронету.

– Мы... не получили зачет. Посчитали, что... несправедливо... И решили отомстить. Она родителям хотела нас сдать! Сама – никто, безродная, а туда же!

– Осторожнее, баронет! Вы не в том положении, – предупредил принц Тигверд, в черных глазах которого плясало пламя.

– Вы были в трезвом состоянии в момент, когда решили отомстить преподавателю таким образом? – спросил милорд Швангау, не открывая глаз и сжимая что-то в руке.

– После не сданного зачета мы напились, – прошептал студент, низко опустив голову.

– Кто предложил? – проскрежетал император.

– Кто предложил? Не... не помню.

– Почему именно вы пошли на это?

– Тянули соломинки. Выбор пал на меня.

– Как сумели ввести в заблуждение?

– Мы шатались по городу и наткнулись на лавочку, торгующую артефактами.

– Все это более чем странно, – пробормотал повелитель.

– Адрес, – это был уже принц Тигверд. – Быстро!

Баронет Гилмор назвал.

Хлопок – принц Тигверд и милорд Милфорд исчезли.

– Продолжаем, – приказал император. – Рассказывайте,

молодой человек.

– Я надел браслет и отправился к отцу.

– Почему он так болезненно отнесся ко всей этой истории? – спросил император.

– Сказал, что она меня унижает... И требует, чтобы я...

– А потом повторили эту историю перед приглашенными друзьями отца.

Баронет поклонился.

– Идите на место, – приказал его величество. – Миледи Агриппа и барон Гилмор, подойдите ко мне.

Мы с отцом студента встали перед повелителем.

– Ну что ж... Думаю, что императорское разбирательство закончено, – объявил император Тигверд. – Результаты тоже ясны – невиновной стороной признается миледи Агриппа. Виновной, в свою очередь...

Я услышала частоту биения сердца стоящего рядом барона Гилмора, почувствовала его ритм и поняла, что как только император скажет о виновности баронета, оно просто разорвется, и никто ничего не успеет сделать.

Сделала жест императору, на всякий случай показала табуировку на ладони, прижалась к барону Гилмору. Одну руку – на его сердце спереди, другую – сзади.

Зал ахнул – только целители поняли, что происходит.

Отсылаю импульсы целительской магии, чувствую поддержку – целитель Ирвин уже рядом. Это хорошо...

Тяжело – барон не хочет оставаться, сопротивляется. Пы-

тается даже оттолкнуть меня. Но его уже валят на пол – милорд Швангау и сам император.

– Ну уже нет! – шиплю я, как самая ядовитая змея этого мира – шипохвостая мумамба. – Не выйдет. Вы будете жить!

– Зачем? – складываются его губы. – Чтобы... извиниться перед вами?

– Не только! – кричу я, выкладываясь полностью, заставляя его сердце биться в нормальном режиме. Пусть ускоренном, но стабильном.

– Извините, – шепчет он. – Я виноват.

– Молчите. Дышите. Ровно. Вот так...

– Я извинился, отпустите меня.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я ненавижу смерть!

Часть вторая

*Нежности порыв,
Колокольчики в глазах...
Хрупкий букетик.*

Кицунэ Миято

Глава девятая

Мы вбежали в дом в восторженном состоянии победителей! Он подхватил на руки, закружил по комнате, а я смеялась, запрокидывая голову.

Вот сейчас, сейчас! Сейчас он меня поцелует...

Стихии – что я делаю?!

Кровь кидается в лицо. Когда же я изобрету средство, чтобы не краснеть? Ну, допустим, изобрету. Как понять, когда его надо выпить? Ведь не знаешь же заранее. А может, просто принимать каждый день? Тогда состав должен активироваться в зависимости от эмоционального состояния. Реагировать на пульс, давление...

Милорд Швангау улыбается. Легонько касается моего лба губами и отпускает меня.

– Пойду принесу вина. Справедливость восторжествова-

ла, и это надо отметить.

Вернулся. Подал бокал.

– В прошлый раз вино вам понравилось, – заметил ректор.

– Да, – кивнула рассеянно.

– За справедливость, – провозгласил милорд Швангау.

Мы выпили. Не знаю, как он, а я жадно. Залпом. И снова застыла, не зная, что делать.

– Рене, – с укором посмотрел он на меня, – мы же договорились. Вы – моя гостья.

– Да, конечно, – не стала спорить с начальством.

– Тогда почему не усядетесь в кресло? Вы устали, но стойте и ждете, пока сяду я.

– Вы очень наблюдательны.

– Звучит как обвинение.

Он взял меня за руку и усадил.

– Кстати, я – как воспитанный человек – жду, пока сядет дама. В результате стоим оба, – проворчал милорд.

– Меня учили, что вежливость и субординация – прежде всего.

– Я подписал приказ, по которому вы с завтрашнего дня находитесь в отпуске, – проговорил ректор, меняя тему.

– Спасибо.

– И какие у вас планы на отпуск?

– Уехать подальше отсюда, – призналась я.

– Это может быть опасно. Два покушения на вашу жизнь... Тех, кто покушался на вас, еще не поймали, хотя

милорд Браун уверял меня, что Уголовная полиция во главе с милордом Брауном... очень старается.

– Милорд Браун?

– Да. Начальник уголовной полиции.

– Не представляю, кому могло понадобиться нападать на меня.

– Во всяком случае, не баронет Гилмор и сотоварищи. Это удалось выяснить совершенно точно.

– Понятно. То есть обиженные студенты ни при чем. Тогда... тем более не понимаю...

– А если их просто использовали? – предположил милорд Швангау.

– Но кто?

– Те, кто запланировал нападение на империю. Те, кому удалось улучшить наших изумрудных клещей так, чтобы на пораженных ими людей не действовала целительская магия. Те, для кого вы – с вашей любовью к иномирским технологиям и страстью к созданию противоядий – практически единственная преграда.

– Думаю, вы преувеличиваете, – нахмурилась я.

– Отчего же?

– Ну подумайте сами! Сколько человек знает о том, что делается в моей лаборатории? Сколько человек знает тему моей кандидатской? Сколько человек в курсе, что я изобрела противоядие от токсина кружевной медузы на основе белка, полученного из сыворотки человеческой крови? И этот же

способ применила, чтобы победить изумрудного клеща.

– Думаю, что немного...

Милорд Швангау внимательно посмотрел на меня. Долгим, задумчивым взглядом. Он как будто бы и не на меня смотрел, а сквозь...

Вдруг я осознала, что именно произнесла, причем без всякой задней мысли! Приговор. Обвинение. Всем, кто знал меня близко. Очень близко...

Ректор поднялся и, взяв оба бокала, отправился их наполнить, бросив как бы между прочим:

– Попробуете встать с кресла потому, что поднялся я – порву приказ на ваш отпуск.

– Нельзя быть таким...

– Увы, – перебил меня на полуслове. – Так сложилась жизнь. Приходится быть таким, – и он подал мой бокал.

– Очень хочется уехать, – призналась я и сделала маленький глоток.

– Понимаю. И поэтому хочу вам предложить...

– Милорд Швангау! – Мне в голову пришла настолько гениальная мысль, что я осмелилась перебить свое начальство. – Я придумала!

– Любопытно послушать.

– У меня есть домик – собственно, там я и хотела провести отпуск. Никто о нем знать не знает. Там меня точно не найдут!

– Это тот дом с куском глухого леса, который вы купили,

взяв деньги в кредит у Главного императорского банка под возмутительный процент?

– Откуда вы знаете?

Милорд Швангау смутился и сообщил мне, что проверял документы сотрудников, когда вступал в должность.

Мы пили вино и молчали. Было как-то очень уютно. Хорошо. Солнце ушло спать за горизонт, а мы остались в полутьме.

– Я, пожалуй, отпущу вас в отпуск, – тихо сказал милорд. – Но с одним условием.

– Каким же?

– Вы носите перстень. Не снимая. К нему я добавлю еще один артефакт. Завтра его доставят.

– Что это?

– Подвеска, активирующая портал. В этот дом. Вы должны пообещать мне – малейшее подозрение, что вам что-то грозит, или... просто поговорить не с кем. В общем, все что угодно – и вы переноситесь.

– Договорились, – улыбнулась я.

Когда о тебе беспокоятся – это приятно. А еще... это так редко бывает!

– Мы с вами совсем забыли об ужине. Боюсь, я его даже не заказал. Отправимся в ресторан или подождем доставку дома?

– Сил нет никуда идти.

– Вы правы.

Мы дождались доставки, поужинали и разошлись по своим комнатам. На следующий день мне вручили цепочку с перстнем, на которой появилась еще одна подвеска. Маленькая. Золотая. В форме изумрудного клеша. Крылышки инкрустированы настоящими изумрудами. И хотя чувство юмора нашего ректора сперва показалось несколько сомнительным... Почему-то я улыбнулась.

Мне стало... приятно. Кулон напоминал о том, что я справилась! Это придавало сил и уверенности. Не знаю, была ли в нем магическая сила. Больше похоже просто на украшение. Подарок. От него.

Так. Все. Мне нужен отпуск! Срочно.

Ко всему этому прилагался также бархатный кошелек с деньгами. Слушать мои возражения ректор категорически отказался. Заявил, что это премия от университета за мои подвиги в ликвидации эпидемии.

На следующее утро я отправилась по делам. Сначала к учителю Ирвину – сообщить, что мне подписали бумаги на отпуск. Потом к миледи Бартон – попросить, чтобы заказали документы – мои сгорели. Хорошо, что деньги и документы на дом, оставшийся мне от бабушки и земельный надел, который я взяла в кредит, хранились в банковской ячейке.

Драгоценностей же у меня, кроме изумрудного клеша, слава Стихиям, не было вовсе. Две подаренных акварели и Чуфи – вот и все мои сокровища. Жалко картины...

В ответ на мою просьбу миледи Бартон кинула странный

взгляд и сообщила, что все документы, включая чековую книжку, дающую доступ к моему счету в банке, уже прибыли.

Я обрадовалась. По пути на станцию приобрела дорожную сумку. Зашла в магазин, купила все, что могло понадобиться в путешествии. Заказала шесть костюмов – по числу рабочих дней – на новый учебный год.

У тех платьев, что купил для меня милорд Швангау, был один существенный недостаток – шнуровка на спине. Это предполагало горничную, помогающую одеваться. А у меня, понятное дело, личной прислуги не было. Хотя платья оказались очень красивыми.

Так. Не отвлекаемся. Костюмы – юбка, блузка и жакет. Жемчужно-серый, серо-зеленый, серо-голубой в клетку и, пожалуй, вот этот – лиловый.

Мода в империи, кстати, сильно изменилась за последнее время. У платьев спустилась талия. Нарядные туалеты аристократок иногда полностью открывали плечи. Женщины могли, правда, в особых случаях и при определенных занятиях, носить брюки. Появились блузки и юбки.

Жаль, что любая форма одежды все еще непременно требовала наличия корсета. Как бы мне хотелось его не носить вовсе! Вот уеду в свой лес, и первое, что сделаю – заброшу это орудие пыток куда подальше!

Я устало выдохнула, очень довольная собой. Справилась! Достала кошелек... Стихии! Двести золотых империалов!

Да я за десять сдаю бабушкин дом, а в месяц получаю семьдесят! И это очень хорошая зарплата...

А это что? Два векселя на мое имя в Главный императорский банк. Один – на пятьсот империалов, другой – на пять тысяч.

Попросила, чтобы вещи для путешествия упаковали в сумку. И села думать.

Первым порывом было отнести все это милорду Швангау обратно. В конце концов, это недопустимо. Я подчиненная, а не содержанка!

Вспомнила, как он кружил меня на руках вчера вечером. Как прижималась к нему...

Сердце резануло болью. Еще и платья эти, которые он мне купил...

– Все готово, госпожа Агриппа, – пропела продавщица.

– Доставьте вещи на северную почтовую станцию, – распорядилась я. – И... я куплю еще одно платье. С застёжками спереди. А это... оставлю у вас.

Платье было как раз из тех, что принесли в тот страшный вечер, когда мою квартиру сожгли. Оно мне... нравилось. Теплого шоколадного цвета. И ткань... Такая мягкая! У меня никогда не было таких дорогих материй.

– Помогите мне снять, – приказала я ничего не понимающим продавщицам. – Здесь шнуровка на спине.

Девушки переглянулись.

– А какое платье будет угодно госпоже? – осторожно спро-

сила одна из них.

– Любое.

Сзади звякнул колокольчик.

– Рене, – раздался обеспокоенный голос милорда Швангау. – Что случилось?

– Ничего, – ответила я, схватила с вешалки что-то первое попавшееся и рванула в примерочную.

– Госпожа Агриппа! Оно же красное! Не с вашими волосами его носить! Отдайте!

Продавщицы отмерли и кинулись за мной, отбирать.

– Я дождусь миледи, – услышала я лениво-высокомерный голос ректора. – Принесите кофе и «Имперскую правду».

– Слушаюсь.

Спустя некоторое время я вышла из примерочной, злая, как мумамба шипохвостая. Смертельно ядовитая, но... очень красивая змея. Шкурка – шоколадная, как... то платье. И ярко-оранжевый узор.

Расплатилась за все чековой книжкой. Оставила... шоколадное платье. Теперь уже навсегда отравленная ситуацией и сравнением со змеей. И зачем я вспомнила?

– Как хорошо, что вы пришли, милорд Швангау! – прошипела я, когда мы вышли на улицу.

– Рене. Что случилось? Почему вы так злитесь?

– Заберите! Заберите немедленно! И не смейте, слышите? Не смейте меня оскорблять!

Не глядя, сунула мужчине в руки кошелек и понеслась

прочь.

– Ничего не понимаю, – грустно сказал он.

Оказывается, пока я бежала, путаясь в узких юбках, маг спокойно шел рядом. Конечно, вон у него ноги какие длинные!

– Рене, давайте вы мне все спокойно объясните.

Я остановилась и гневно ткнула пальцем в кошелек, который мой обидчик продолжал держать в руках.

– Пожалуй, устраивать разбирательства посреди улицы – не лучшая идея, – задумчиво проговорил милорд Швангау.

Он взял меня за руку – и мы с ним перенеслись в его гостиную.

– Пустите!

– Да что с вами?! Успокойтесь. Что бы вы ни навывдумывали сами себе – у меня в мыслях не было ничего дурного!

– Я сама виновата... Сама дала повод думать о себе так.

– Что за чушь! – Судя по голосу, милорд изволил гневаться.

Подошел ближе, попытался обнять. У меня от унижения брызнули слезы.

– И мне надо успокоиться, – сказал милорд Швангау и отошел. – Что там не так с этим кошельком?

– Деньги.

– Это же кошелек. Чему там еще быть? – спокойно спросил он.

– На такую сумму? И платья эти! – Я вскочила. – На каком

основании?!

– Вы меня с ума сведете! В кошельке – премия! Платья – это просто... помощь! Надо же было вам во что-то одеваться!

– Почему такая огромная сумма?!

– Стойте здесь и не смейте никуда не уходить, – рявкнул он.

Хлопок портала – милорд Швангау исчез.

Появился через пару минут.

– Вот. Читайте.

Я развернула документ и прочла:

*«Ректору Роттервикского университета
имени первого императора Тигверда милорду
Швангау
от его императорского величества Фредерика
Тигверда*

РАСПОРЯЖЕНИЕ

Выдать миледи Рене Элии Агриппе премию по итогам ее работы по ликвидации эпидемии в Восточной провинции в размере десяти месячных окладов. Кроме того, передать вышеозначенной миледи Агриппе вексель на пять тысяч импералов от администрации Восточной провинции как благодарность за спасение жителей провинции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.